

ВЯЧЕСЛАВ КУМИН

РОЖДЕНИЕ
ИМПЕРИИ

Вячеслав Кумин

Рождение империи

Серия «Время собирать камни», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3931985

Аннотация

Что есть планеты? По своей сути это те же камни... Их тоже нужно собрать, и чем больше, тем лучше. Главный герой Каин Иннокент принимает в сборе непосредственное участие как доверенное лицо Оникса — главаря космических пиратов, разрываясь между чувством долга велящего ему покончить с пиратством и возможной угрозой для всего человечества, в которую он сам не очень-то верит. Но что если угроза реальна? Тогда только Оникс может ее отразить, ведь у него есть какой-то план.

Содержание

Пролог	4
1	9
2	15
3	21
4	28
5	34
6	39
7	46
8	54
9	59
10	66
11	75
12	83
13	88
14	95
15	104
16	113
17	119
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Вячеслав Кумин

Рождение империи

Империи рождаются в войнах...

Пролог

В пустую комнату с голыми стенами, без окон, где из мебели – лишь стул, прикрученный к полу, да раскладной стол с компьютером, пара конвойных ввела очередного проверяемого. Его нарочито грубо усадили, и один из двух присутствующих дознавателей, быстрыми профессиональными движениями захомотав ремнями «очередного клиента», наклеил несколько датчиков ему на голову, зажал палец «крокодиллом» и обтянул грудь жгутом, также содержащим датчики. После чего прямо через ткань кителя впрыснул в плечо препарат из пневматического шприца.

Проверяемый не сопротивлялся, во-первых, бессмысленно, а во-вторых, он уже не раз и не два проходил подобную процедуру, и лишь немного поморщился от укола, подумав, что в следующий раз надо загодя снимать верхнюю одежду и закатывать рукав. А то не приведи бог заразу какую занесут.

Второй дознаватель, все это время сидевший за компьютером, понаблюдав некоторое время за состоянием клиента

и удовлетворительно кивнув, когда препарат начал действовать, громко и четко, будто вбивая гвозди, стал задавать первые контрольные вопросы:

– Твое имя?

– Каин Иннокент.

– Позывной? Прозвище? Кликуха? Погоняло?

– Ригель.

– Звание? Должность?

– Камрад-полковник. Командир авиационного крыла бортовой авиации крейсера «Неустршимый», ВКФ республики Ассалт.

– Кем ты был раньше, до вступления в ряды ВКФ Ассалта? Звание? Должность?

– Рядовым пиратским пилотом.

– Еще раньше, – спросил дознаватель, ничем не выдав своего раздражения, считая, что допрашиваемый прекрасно знает, о чем именно его спрашивают, но все равно выпендривается, и, что характерно, полиграф не протестует, ибо все сказанное – правда.

– Пилот охранного агентства «Барс».

– Еще раньше.

– Мое последнее звание во время службы в ВКФ Конфедерации Миров – капитан. Командир звена, – сжалился над дознавателем Каин Иннокент.

– Причина ухода со службы?

– Подстава... в качестве мести за небольшой инцидент

в бане, посчитавшая себя оскорбленной сторона конфликта подбросила мне наркотики, что тут же всплыло наружу. Из-за Генеральной проверки по Третьему Флоту Конфедерации Миров меня хотели перевести на удаленную планетарную базу с глаз долой... поскольку это было по сути концом карьеры, я ушел сам.

– Что происходило дальше?

– Я нанялся пилотом в охранное агентство «Барс».

– Дальше.

– Я случайно встретился с типом, который подбросил наркотики, поскольку был нетрезв, завязал драку и случайно убил его.

– Дальше.

– Далее чтобы не засесть в тюрьму на двадцать лет за убийство, мне не оставалось ничего другого, как податься в пираты.

Дознаватель, все это время практически неотрывно следящий за диаграммами на мониторе своего компьютера, еще раз удовлетворительно кивнул, подтверждая, что все сказанное проверяемым правда. И перешел к более серьезным вопросам:

– Ты состоишь в спецслужбах?

– Нет...

– Ты работаешь или работал раньше на спецслужбы?

– Нет...

Дознаватель на этот раз не стал затягивать линию связи со

спецслужбами и, отложив в сторону перечень стандартных вопросов, которые он знал наизусть, потому как каждый день ему приходилось проверять по дюжине человек, взял листок с вопросами для проверки конкретно данного проверяемого и зачитал первый из них, сам не понимая о чем в них идет речь:

– Веришь ли ты словам команданте?

Впервые за время допроса проверяемый промолчал, не зная, что ответить, и это отлично проиллюстрировали графики на мониторе полиграфа, начав выписывать пики, как сейсмограф при землетрясении, даже сыворотка правды не помогала выбить немедленный ответ, и дознавателю пришлось повторить вопрос:

– Веришь ли ты словам команданте Оникса?! Говори!

– Не знаю...

– «Да» или «нет»?!

– Не знаю... – упрямо повторил покрывшийся крупными каплями пота проверяемый, который уже плохо ориентировался в пространстве, мотал головой из стороны в сторону, пытаясь сфокусировать взгляд хоть на какой-нибудь детали, и упал бы, если бы его предусмотрительно не зафиксировали на стуле ремнями.

– Скорее «да», чем «нет», или скорее «нет», чем «да»? – проявил настойчивость дознаватель.

– Скорее... «да», чем «нет»... – выдал Иннокент, обильно вспотев.

– Хорошо... – удовлетворился ответом дознаватель, сверившись с показаниями полиграфа. – Рассказывал ли ты о своем разговоре с ним кому-либо? Обсуждали ли его с кем-либо?

– Нет.

– Хочешь ли ты еще его убить?

И снова пауза.

– Отвечать на поставленный вопрос?! Хочешь ли ты еще убить команданте Оникса?!

– Не... нет.

– Что? Громче!

– Нет, не хочу...

Допрос продолжался еще долго, одни и те же вопросы прокручивались с небольшими вариациями раз за разом, до тех пор, пока проверяемый банально не заснул на стуле, но уличить высокопоставленного проверяемого пиратской армии в прямой измене так и не удалось.

1

– Старт! – скомандовал камрад-полковник Каин Иннокент своему авиационному крылу, получив соответствующий приказ от командира пиратской эскадры.

Двадцать истребителей перехватчиков «протон» выскочили из своих ячеек крейсера «Неустрасимый», в недавнем прошлом находившемся в составе Третьего Флота ВКФ Конфедерации Миров под звучным именем «Всадник», пока его не отбили космические корсары в одном из крупнейших сражений, а ныне флагман Первого Флота самопровозглашенной республики Ассалт.

Вел пиратскую эскадру брат команданте – Виктора Баренцева, более известного как Оникс, камрад-адмирал Дмитрий Баренцев, в недавнем прошлом бригадир Кентавр. Сам Оникс остался на Ассалте, как президент пиратской республики, руководя ее жизнью – строительством первого города, то бишь столицы с одноименным с планетой названием.

Всего у пиратской республики в настоящее время существовало три флота по двадцать пять кораблей в каждом. И у каждого во главе стояли полноценные боевые корабли. Если в Первом Флоте – «Неустрасимый», во втором крейсер «Тесак», бывший «Наездник», то Третий Флот имел сразу два корабля – легкий крейсер «Булава» и настоящий фрегат «Кистень», так же, как и крейсера, отбитый уже у независи-

мой метрополии в одном из пиратских набегов, а не у Конфедерации.

Остальные корабли пиратского Флота являлись переделками под боевые из обычных грузовиков, малотоннажных и среднетоннажных сухогрузов, путем навески дополнительной брони в жизненно важных местах и врезке оружейных батарей. Но большинство этих кораблей остались в системе Ассалт, сторожа подступы к ней от возможных атак со стороны Конфедерации, жаждущей разворошить пиратское гнездо и покончить с разбоем в космосе, а в операции участвовала только небольшая эскадра.

Очередному пиратскому нападению подверглась планета с красивым названием Прерия – довольно развитый мир с собственной системой противокосмической обороны, не говоря уже о наличии планетарных военных баз, а потому высадиться просто так, как на любом недавно колонизированном мире, в принципе не имеющем оборонительных рубежей, невозможно, придется изрядно постараться.

Иннокент, несмотря на то, что имел звание полковника, лично участвовал в атаке. Что поделать, по-настоящему высококлассных пилотов у пиратов было не так уж много, особенно способных пилотировать машину класса космос-атмосфера. Большая часть пиратских пилотов летала на менее сложных и тяжелых машинах, а то и вовсе на самолетах типа космос-космос – «шмель», и драться в атмосфере не умели или разучились.

Последние, кстати, прикрывали шаттлы с десантом, провозая их до границы атмосферы Прерии и оберегая от возможных атак авиации противника. Дальше это предстояло делать «протонам», имевшим также другие задачи, связанные со штурмовками наземных целей.

Помимо «Неустрашимого» в атаке участвовали десять малых десантных кораблей с двумя сотнями десанта на борту каждый и малой бортовой авиацией по шесть-восемь машин.

Малые десантные корабли также представляли собой переделки и в своей прошлой жизни выполняли куда более мирные задачи, будучи малотоннажными грузовиками возили с планеты на планету различные грузы, но, как и прочие ныне боевые корабли, были атакованы пиратами и захвачены ими для собственных нужд.

Почувствовав знакомое ускорение, вжимавшее в спинку кресла, Каин оказался в открытом космосе, и перед ним раскинулся диск планеты, к которой устремились два десятка шаттлов под прикрытием пятидесяти «шмелей».

Раньше шаттлы в пиратских рейдах прикрывали катера, увешенные скорострельными шестиствольными плазмодинамическими пушками, создающие стену огня, сквозь который противнику пробраться очень трудно, но на этот раз от них решено было отказаться, так как они сильно демаскировали конвой, шедший к Прерии под видом обычного торгового каравана.

Попастся на такой легенде практически невозможно, по-

тому как подобный караван действительно был зарегистрирован и должен прийти с различным промышленным грузом для планеты. Сделать это через подставную фирму несложно. Поэтому ничего удивительного, что им в результате переговоров с диспетчерским центром, сверки паролей, выделили необходимый эшелон движения, и пиратская эскадра спокойно дошла до своей цели.

Единственное, что им могло помешать в пути, так это визуальная идентификация другими пролетавшими мимо кораблями. Крейсер при всем желании не выдашь за сухогруз, но их капитаны оказались нелюбопытны, да и заходили они подальше от основных трасс.

Засветись они – и можно смело поворачивать назад, потому что они не успеют даже дойти до планеты, как из звезды начнут выскакивать боевые корабли Конфедерации, чтобы покарать пиратствующих отморожков.

Но пока радиоэлектронная разведка не фиксировала никаких тревожных для эскадры симптомов. Вся операция проходила спокойно, как по маслу.

Сигнал бедствия с планеты пошел, только когда эскадра встала на высокие орбиты Прерии и начала непонятные для диспетчеров маневры. Но было уже поздно, пираты начали атаку.

– Ригель – Лягушке, ты как? – спросил Каин Иннокент у своего ведомого.

– Нормально...

– По голосу не скажешь. Не мандражируй... все будет нормально.

Молодой пилот промолчал, а потом сказал:

– Мы впервые атакуем столь защищенную планету, Ригель. Установки ПВКО и три полка авиационного прикрытия это тебе не хухры-мухры. Как тут не мандражировать, скажи мне, пожалуйста?!

– Ракеты ПВКО – это, конечно, серьезно, спорить не стану, и тут нам никуда не деться, кроме как положиться на свое мастерство и еще больше – удачу. Но на счет пилотов сильно не заморачивайся. Они того не стоят.

– В смысле?

– В прямом. Там на планетарных базах служат сплошные слабаки...

– Так уж и слабаки? По прошлому разу я бы так не сказал...

Каин кивнул. В прошлом нападении, когда они брали молодую колонию и больших проблем не предвиделось, им действительно устроили теплый прием. Во-первых, самолетов оказалось больше, чем докладывала разведка, а во-вторых, пилоты, ими управлявшие, если были не асами, то очень близкими к ним по мастерству. Тогда группа «засранцев» (как у пиратов звали неблагонадежных пилотов, готовых при первом же случае предать) потеряла Факела, что давило на Лягушку, ведь тот был гораздо опытнее него...

Но Иннокент нашел, чем успокоить своего звеньевого,

сказав:

– Все правильно, Лягушка, конфедераты привыкли, что мы атакуем молодые миры, вот и усилили их дополнительными полками и хорошими кадрами, проведя ротацию пилотов...

– Хочешь сказать, что хороших пилотов отправили в колонии, а тех, пальцем деланных, в развитые миры под прикрытием систем ПВКО? – с плохо скрываемой надеждой спросил Лягушка.

– Правильно.

– Дай-то боги, чтобы ты был прав, командир, иначе нам всем сегодня не поздоровится.

Каин удовлетворенно улыбнулся. Голос его напарника стал значительно увереннее, а это главное. Нужно, чтобы была не самоуверенность, – она столь же плохой помощник в бою, что и неуверенность, сводящая кишки в комок, – а именно реальная вера в свои силы. И даже если он неправ на счет ротации, то Лягушка будет действовать достаточно уверенно и нагло в хорошем смысле этого слова, что значительно поможет ему как выжить, так и выполнить поставленную перед ними боевую задачу.

– Это так. Скоро ты в этом убедишься.

2

Когда атакующие силы преодолели половину пути до границы атмосферы Прерии, в общий эфир вышел камрад-адмирал Дмитрий Баренцев, прежде всего обращаясь к пилотам шаттлов и прикрывающих их истребителей:

– Все, парни, маскарад закончился, сейчас начнется основное веселье. Готовьтесь... наблюдается старт ракет противокосмической обороны класса «солярис». Время подхода шесть минут... Также взлетают самолеты, время подлета при прежней скорости движения двадцать пять минут.

«Это уже нам», – понял Иннокент, соотнеся временные данные с картой.

Выходило, что с самолетами противника они столкнутся уже у самой границы атмосферы и далее бой продолжится непосредственно в атмосфере. Но прежде предстоит разобраться с ракетами, а это ой как не просто.

Навстречу «солярисам», основной целью которых наверняка являлись шаттлы, устремились бескрылые «шмели». Вот первые боеголовки ракет ПКО с последней маршевой ступенью появились на радарх самолетов. «Шмели» тут же обрушили на них всю свою мощь в виде твердотопливных ракет, поставляемых ВПК одной из метрополий-отщепенцев, гораздо более медлительных и дешевых аналогов по сравнению с ракетами на плазменном ходу, что стоят на во-

оружии Конфедерации и более развитых независимых миров.

На подвесках «протонов» авиационного крыла ка-мрад-полковника Иннокента висели трофейные боеприпасы, украденные у конфедератов с атакованных ими баз, и предназначались для боя с авиацией противника. А твердотопливные только на то и годились, чтобы стрелять целыми пачками по относительно предсказуемым целям, на которые просто жалко тратить дорогие изделия.

«Солярисы» не желали умирать так просто и всячески сопротивлялись собственному подрыву какими-то самоделками, задействуя системы электронного подавления систем наведения. Примерно треть твердотопливных ракет и впрямь разлетелась кто куда, завиваясь змейками, точно бракованные ракетницы фейерверков.

Те ракеты, что решили зайти с флангов, «солярисы» подрывали на противоракетных ловушках, окутываясь ими, точно одеялом. Но как бы ни была совершенна система защиты «солярисов», они пропускали к себе противника и гибли один за другим, взбухая огненными шарами. А те же, что избежали участи подрыва на примитивных ракетах, сведя их с ума или отбив все их атаки, попадали под плотный перекрестный пешечный огонь «шмелей». Обычные снаряды отвести или обмануть не представлялось возможным, и ни один «солярис» так и не добрался до своей цели.

Вслед за ракетами комплексов ПКО в космос выскочи-

ли пять десятков «протонов». Их на планете базировалось в два раза больше, но остальные наверняка решили подождать противника в атмосфере. И это понятно, «жуки» – как презрительно называли пилотов, базирующиеся на планетарных базах – не очень-то умели воевать в космосе.

– Ригель – всем, по возможности в драку с противником не ввязываться, это работа для «шмелей», – поспешил выйти на связь со своими пилотами Каин Иннокент, увидев, что несколько его «протонов» чуть вырвались вперед, разрушая порядок. – Берегите боеприпасы, они нам очень понадобятся для тех, кто поджидает нас внизу.

Вырвавшиеся вперед пилоты, покачав крыльями своих самолетов, признавая таким образом свою неправоту, отработали маневровыми движками в режиме торможения, уравнивая скорость с остальными, более выдержанными товарищами двух ударных эскадрилий.

Схватка с конфедератами завязалась на самой границе космоса и атмосферы Прерии. Конфедераты начали стрелять еще издалека, что не причинило корсарам никакого вреда. Почти на предельной дистанции стартовало довольно много ракет ближнего боя, и Каин решил еще немного обнадежить своего звеньевого, наверняка вновь начавшего мучиться страхами и сомнениями, увидев численное преимущество противника:

– Видишь, Лягушка, какие они нервные... Были бы настоящими профессионалами, как мы, и хоть с каким-нибудь

боевым опытом, а не одним лишь симуляторным, они бы так не дергались и подпустили поближе.

– Вижу, Ригель. Не удивлюсь, если для большинства, а то и для всех без исключения это первый реальный бой.

– Вот и я про это. Разве что командиры эскадрилий имеют какой-то опыт за плечами, – все же немного осадил напарника Каин.

Пираты подпустили противника поближе, прежде чем открыли огонь из своих пушек и пустили ракеты, у кого они, собственного говоря, еще остались после расстрела «солярисов».

В последнем случае сделали это они не столько в надежде кого-то подбить, это просто глупо, ракеты слишком медленные и недалёнобойные, сколько затем, чтобы избавиться от опасного груза. Ведь стоит одному снаряду задеть такое примитивное изделие, как взрывом разворотит пол-истребителя. Нет, пираты предпочитали обходиться одними пушками, полагаясь на скорость, маневр и тактические задумки, в составе звена коих у них наработано немало.

Довольно быстро образовалась свалка. Истребители закладывали крутые виражи, во все стороны летели снаряды, стартовали и взрывались ракеты, и не только на обманках, в огромном количестве отстреливаемых «шмелями». Кто-то, и не только неспособные летать в атмосфере «шмели», уже метеором падал на планету... падали и «протоны», расстрелянные в пух и прах.

Довольно быстро стало ясно, что у тяжелых лучше вооруженных и защищенных «протонов» конфедератов действительно почти нет никаких шансов против легких морально и физически устаревших тупорылых пиратских истребителей, пилоты которых успели поучаствовать во множестве боевых схваток и выйти из них победителями.

– И чего их вообще в космос понесло? – удивился Лягушка, наблюдая за тем, какие зачастую глупые потери несут конфедераты, объяснимые только отсутствием опыта и даже паникой.

– Кто знает... командиры «жуков» тоже те еще деятели с наполеоновскими замашками. Только представь, что они сейчас чувствуют, как на себе волосы рвут и ногти обкусывают, вот и отдают глупые приказы.

– Скорее всего, – хохотнул ведомый, хорошо представив себе картину паники в штабе, когда вдруг выяснилось что они, считая себя в абсолютной безопасности, подверглись столь дерзкому пиратскому нападению.

– Их пожалуй надо, а ты смеешься, – тоже невольно усмехнулся Каин.

Пока шло избиение, шаттлы с десантом без проблем успели нырнуть в атмосферу и стали проваливаться к земле. А следом за ними увязались, не выпустив ни единого снаряда, не говоря уже о ракетах, две эскадрильи камрад-полковника Иннокента.

Самолет затрясло в разряженных верхних слоях атмосферы.

ры, потом, когда стала исчезать чернота, обшивку окутало пламенем, и наступил самый опасный момент спуска, ибо противник, обладающий комплексами ПВКО, тебя видит как на ладони, а вот ты не видишь ничего, ни визуально, ни на радаре, и даже связи нет.

Иннокент до боли сжал зубы, ожидая в любой момент сильный удар и... небытие. Но нет, пока его тревожит лишь сильная болтанка. Потом подумалось, что он даже и удара не почувствует, смерть заберет его сразу, мгновенно.

«Не сегодня, не меня... – как заклинание повторял про себя Каин. – К тому же у ракетчиков основные цели – шаттлы, мы недостойная внимания мелкота... Так что мне нечего бояться».

3

Повезло. Его не сбили. Как только борт перестала лизать плазма, спала температура, тут же заработали и связь и радар. Полученные им результаты Каина не обрадовали: не хватало двух «протонов» и пяти шаттлов. Неизбежные потери, кому-то их молитвы не помогли.

Но это не самое плохое. Хуже то, что обстрел средствами ПВКО продолжался. Радар любезно отметил быстро приближающиеся метки ракет. Конкретно к «протону» камрад-полковника шло сразу два посланца. Хорошо только одно: они перестали быть слепыми котятками, а значит, могли сопротивляться.

Вон шаттлы, камнями падающие вниз, уже встречаются с первыми зенитными ракетами. Противоракетные шашки, через долю секунды остающиеся где-то высоко в небе, бесполезны, потому в дело вступали противоракеты и системы электронного подавления, или попросту «глушилки», но исключительно на эти средства полагаться не стоило.

Пилоты и не полагались, противоракеты и глушилки они рассматривали исключительно как дополнительное средство защиты, основным же являлось их собственное мастерство, основанное на интуиции, помноженное на знание. И это сплетение чувств работало.

В момент, когда ракета, казалось, должна подбить шаттл,

пилоты этих неуклюжих калош снопом отстреливали противоракеты и резким маневром уходили в сторону. Иногда маневры происходили в буквальном смысле в последнее мгновение, казалось, что шаттл взорвался. Но нет, еще один миг – и туша шаттла выскакивала из облака огня.

Ни пилотам, ни тем более десанту, испытывающим в этот момент чудовищные перегрузки, не позавидуешь. Вполне возможно, кто-то из них терял сознание, но зато живы, а это главное. Даже шаттлы и те от запредельных маневров, что не закладывались в их конструктивные пределы прочности, стонали, точно от боли.

Не повезло только одному шаттлу. На его долю пришлось сразу три ракеты. Пилоты смогли уклониться от двух, запудрив их электронные мозги глушилкой и подорвав на противоракетах, но напоролись на третью. Взрыв – и точку челнока поглотил огонь.

Как падали обломки шаттла и были ли они вообще, Каин уже не видел, не до того. Он, как и все прочие пилоты, сам повторял те же маневры, что и пилоты шаттлов.

– Внимание, пеленг! Рекомендую начать маневры уклонения и постановку помех. Двадцать секунд до поражения... – отсчитывал время бортовой компьютер, хотя Иннокент сам прекрасно видел цифры дистанции, вектор движения и время подлета. – Тринадцать, двенадцать, одиннадцать, десять, девять... восемь...

– Включить генератор помех.

– Генератор помех включен... Шесть, пять, четыре...

На цифре «три», когда дистанция между самолетом и ракетой сократилась до минимума и вот-вот должен был произойти подрыв, чтобы нацеливать «протон» поражающими элементами, Каин приказал БК включить интенсивный отстрел противоракет и отвернул штурвал вправо так резко и так сильно, как только мог.

Несмотря на все противоперегрузочные средства, летный костюм и собственную выносливость к перегрузкам, тренируемую годами учебы, на одну секунду он все же потерял сознание. Только придя в себя и еще не очень хорошо видя индикаторы датчиков из-за «серой пелены», замутившей глаза, но зато, пусть словно через вату, шум льющейся воды и вой ветра, слыша новый отсчет бортового компьютера для второй ракеты, уже дошедший до «пяти», Каин повторил рискованный маневр, еще раз отвернув машину вправо.

Снова потеря сознания, уже на более длительный промежуток времени.

В себя камрад-полковник пришел от жесткой болтанки, из-за которой истребитель неожиданно завертело и резко увлекло вниз в неуправляемом полете. Автопилот, призванный активизироваться в случае отключения пилота, почему-то пасовал, о чем на повышенных тонах сообщал БК:

– Внимание! Неисправность системы автопилотирования...

Иннокент сразу понял, что он попал под действие взрыв-

ной волны. Но не ракеты, которая взорвалась у него за хвостом на обманках, это просто невозможно, «протоны» идут на сверхзвуке, так что ударной волне за ними никак не угнаться. Самолет попал под воздействие встречного взрыва.

– Два пятьсот, два четыреста, два триста... – отсчитывал БК расстояние до земли.

Все еще не придя в кондицию, Каин Иннокент достаточно спокойно взял под контроль свою машину и, выровняв вращение, перевел ее в управляемый, где-то даже излишне плавный полет, рискуя стать легкой целью для ракетчиков. Но в этом случае должен сработать БК и предупредить пилота о пеленге, а пока он молчит, можно чуть сбавить темп и наконец окончательно вернуться в свое тело.

– Лягушка – Ригелю... Лягушка – Ригелю... – звучал обеспокоенный голос ведомого.

– Ригель, на связи Лягушка...

– Ты как, командир?..

– В норме. А ты?

– А мне-то что сделается?! – с облегчением хмыкнул Лягушка.

– Тоже верно...

Напарник Иннокента получил свой позывной неспроста, а именно за то качество своего организма, что позволяло довольно легко выносить такие перегрузки, от которых любой другой выходил из строя, а если и он терял сознание, то приходил в себя значительно быстрее кого бы то ни было. Фе-

номен.

– Как наши? – спросил Каин, все еще не в силах сфокусировать взгляд и разобрать многочисленные значки на тактическом дисплее. Он только лишь понял, что сильно отбил-ся от общей группы, и начал набор высоты, чтобы воссоединиться со своими и не стать совсем уж легкой целью для вражеской авиации. Потому как один в поле действительно не воин, и пятьдесят бортов с легкостью порвут одинокий истребитель.

– Еще троих потеряли.

– Ага... вот один вроде бы цел... – напрягая зрение посмотрел необходимую информацию Каин на командирском дисплее.

– Сумел катапультироваться.

– Шаттлы?

– Сели.

– Нормально. Полдела сделано. Системы ПВО теперь можно не опасаться, мы слишком низко для них.

– Но осталась еще половина в виде пятидесяти «протонов», – напомнил Лягушка.

– Вижу...

На радаре действительно светились пятьдесят вражеских меток, шедших плотным строем. И избежать встречи с ними нет никакой возможности, а очень бы хотелось, потому как это неизбежные потери и без того сильно поредевших сил.

– А нас всего пятнадцать.

– Знаю.

– По три с лишним машины на брата это не слишком веселый расклад.

– Кому как... Боишься?

– Хм-м... мне неприятно, – не стал расписываться в трусости Лягушка.

– Что поделатъ, мы не в борделе и не в комнате релаксации, чтобы было приятно. А то, что на каждого в среднем по три с небольшим машины приходится, так это нормально, могло быть и хуже.

– Вот уж действительно... – хмуро ответил Лягушка. – Могло быть и по пять, а то и по десять на брата...

– Ладно хандрить... – осадил Иннокент ведомого. – Лучше посмотри, каким скученным строем они идут. Сразу видно, что слабаки... только слабаки чувствуют себя сильнее, будучи в толпе, им кажется, что это должно выглядеть устрашающе. А на самом деле просто ограничили себе простор для маневра, того и гляди друг с дружкой столкнутся, стоит их только шугануть как следует. И потом, прикинь: если нам навстречу в космос вышли лучшие, и как их там пошинковали, то кто остался в атмосфере у земли?

Лягушка не ответил. Во-первых, ответа не требовалось, и так все ясно, а во-вторых, началась работа – две неравные группы самолетов завязали встречный атмосферный бой.

Для начала пиратским «протонам» следовало не дать конфедератам уничтожить севшие в чистом поле шаттлы и как

в тире перебить беззащитный перед такой армадой десант. Они, конечно, не беззубые, есть ручные ракетные комплексы, но против такой оравы им не устоять. А далее... далее по обстоятельствам.

Ни один пиратский самолет не пострадал при встречной перестрелке, для этого пилоты были слишком опытны и хорошо маневрировали, выжимая из «протонов» все возможное. Впрочем, конфедераты тоже не понесли потерь, так как их противник был больше занят маневрами, чтобы не попасть под огонь, и сам стрелял мало.

А вот дальше закрутилась бешеная карусель смерти. Область воздушного пространства в один миг наполнилась сотнями, тысячами тепловых и электромагнитных противоракетных ловушек, гроздьями отстреливаемых обеими сторонами, но ракетами стреляли только конфедераты, почти не нанося противнику урона, пираты же боеприпас берегли для точного удара.

Большая скученность сослужила неопытным пилотам Конфедерации плохую службу, пираты не только не испугались большого численного перевеса противника, но и преодолев огневой барьер в один момент сели на хвост своему противнику. Лишь двое-трое сумели сорваться с крючка, но корсары в таком косяке молодняка быстро нашли себе новые жертвы, и садились с одного хвоста на другой, выбирая наиболее безопасный момент, чтобы в свою очередь никто не пристроился сзади к ним. И уже через каких-то пять секунд активной стрельбы к земле, оставляя черные дымные

хвосты, понеслись первые подбитые машины и обломки от подбитых конфедератов.

Сбил свою цель и Каин Иннокент. «Протон» конфедерата активно сопротивлялся: отстреливал ловушки, работал системой постановки электронных помех, пытаясь сбить прицел врагу, но ничего из этого его не спасло. В конце концов, разве можно промахнуться с сотни метров, работая вручную, даже если систему прицеливания «мутит», когда у тебя две скорострельные пушки, выдающие по тысяче снарядов в секунду каждая?

Но радоваться победе рано. Да и не возникло у Иннокента чувства радости от такой победы над неумелым противником, наверняка вчерашним курсантом, который, возможно, тренировался на том же тренажере, что и он сам, летал в реале, постигая азы пилотирования, с тем же инструктором, что и Каин. Имелись и другие причины для отсутствия радости... И потом у противника точно такие же скорострельные дуры, и один из них уже взял его на прицел, о чем и сообщил нудным голосом бортовой компьютер:

– Внимание! Пеленг на восемь часов, двадцать градусов...

Каину повторять дважды не пришлось, и он пошел в резкий левый разворот с набором высоты, оставляя позади себя трассу снарядов, что распорола бы его, замешкайся он еще на одну секунду.

Прямо по курсу оказалось брюхо вражеского «протона» с номером «059», и камрад-полковник по ходу дела засадил в

него длинную косую очередь. Потом по пятьдесят девятому добавил кто-то еще, чуть сверху, и попавший под перекрестный огонь «протон», потеряв правое крыло и выдав факел пламени из левого двигателя, в автоматическом режиме выплюнул пилота и, закрутившись, устремился к земле...

– Внимание! Пеленг...

На этот раз Каин не стал дожидаться, когда БК договорит, сам бросил взгляд на радар и пошел на новый маневр.

«Ишь упрямый какой, – удивился Иннокент, поняв, что его преследует тот же пилот, что взял его на прицел в прошлый раз. – Подобная привязчивость непрофессиональна...»

– Внимание! Ракета...

Каин пошел в привычный противоракетный маневр, отстреливая обманки, и тут с близким к ужасу чувством понял, что привычка, опыт и некое подобие самонадеянности сыграли с ним злую шутку. Бой в атмосфере с ее сопротивляемостью и с силой гравитации планеты имеет свою специфику, и маневр получился слишком тяжеловесным. Ракета, не отведенная глушилкой, не обратив внимания на ловушки, нагнала его слишком быстро, и по броне «протона» дробью врезались осколки.

– Ч-черт...

Запищали датчики, замигали лампочки, а БК все так же бесстрастно доложил:

– Поврежден левый двигатель... пожар левого двигате-

ля...

– Вероятность взрыва?

– Тридцать-сорок процентов... Включить систему пожаротушения?

– Отставить!

БК настаивать не стал, за что следовало поблагодарить разработчиков программы, но затянул очередную песенку о других повреждениях и пеленгах.

На одном двигателе оторваться даже от не очень опытного пилота нечего и думать, и камрад-полковнику пришлось пойти на риск, которого в других обстоятельствах он постарался бы избежать, но выбирать не приходилось.

Оставляя за собой длинный шлейф черного дыма, Иннокент направил свой самолет носом вниз и стал падать к земле, то и дело пытаясь как бы выровнять полет, что у него иногда даже почти получалось и вот-вот получится...

Как Каин и предположил, этот самонадеянный пилот, вместо того чтобы помочь свои товарищам, выбрав новую цель, закусил удила и решил его добить во что бы то ни стало, не оставив ни единого шанса на спасение. Он увязался следом, увеличивая скорость и сближаясь так плотно, словно не хотел, чтобы ни один снаряд, выпущенный из его пушек, не прошел мимо цели.

БК, на секунду заткнувшийся, опять взялся за свое, предупреждая об опасном сближении с землей:

– Триста метров... Двести... Внимание, пеленг... Сто!

Каин увидел под собой, на земле, частые вспышки разрывов снарядов, выпущенных преследователем. Противник не попадал, за исключением двух-трех снарядов, может, только потому, что слишком понадеялся на собственное зрение, как всегда бывает во время отчаянной злости и жажды смерти своего врага, игнорируя показания датчиков, а оно-то как раз и было ограничено густым дымом из поврежденного двигателя самолета-жертвы.

Дав полную тягу, Иннокент, скрипя зубами от натуги и лавинообразно увеличивающейся перегрузки, отжимал штурвал на себя. Двигатель хоть и горел, с каждой секундой увеличивая процент вероятности взрыва, но работал и в нужный момент дал достаточно мощности, чтобы выйти из опасного пике, пусть и в опасной близости от земли. Такой близости, что выхлоп его плазменных двигателей поднял на поверхности настоящую пыльную бурю, мгновенно превращая скудную растительность в пепел, а саму землю в фокусе плазменной струи в стекло.

– Включить систему пожаротушения левого двигателя...

– Выполнено...

Противник слишком увлекся погоней и расстрелом навверное первой своей реальной боевой жертвы, пропустил момент, когда эта жертва начала выходить из пике, дым закрыл ему обзор, и он не очень хорошо видел приближение земли, хотя БК наверняка предупреждал его. Но кто полностью полагается на этот нудный компьютер?

Как результат, пилот-преследователь не успел среагировать достаточно быстро, когда до него наконец дошло, что к чему. Самолет плюхнулся на землю и рванул, исторгнув глубок огня и гари. Самого пилота спасла лишь система автоматического катапультирования.

На одном двигателе много не навоевать даже в просторах космоса, не говоря уже о вязкой атмосфере, но, как оказалось, воевать уже почти и не пришлось. От общего числа в шестьдесят пять «протонов» в небе осталось всего восемнадцать машин, из которых тринадцать пиратские. Остальные пять уцелевших конфедератов пытались удрать, «хромая» на оба крыла из-за полученных повреждений.

– Ригель – всем, прекратить преследование противника. Повторяю...

– Почему?! – отозвался кто-то настолько разгоряченный боем, что даже не представился, явно не желая отпускать легкую добычу просто так, без занесения ее в личный актив.

– По кочану! Они идут на базу, там мы их и прихватим относительно целенькими. Мы и так потеряли слишком много, так что трофеи нам не помешают.

– Понял...

Пятеро преследователей прекратили погоню, а вместе с ней и стрельбу по беглецам. Несмотря на это, один из них все равно вдруг полыхнул огнем и огненным шаром понесся к земле, лишь раскрывшийся купол говорил, что пилот успел покинуть машину, и лишней смерти не случилось.

5

– Ригель – Лягушке, ты как, цел? – запросил Каин состояние ведомого, хотя видел на тактическом дисплее, что его значок горит зеленым цветом жизни. Но это в целом, а что в частности?

– В норме... задели легонько по касательной. Но я с легкостью ушел... и от бабушки, и от дедушки и прочей живности, в том числе и лисы. А потом половину этой живности и вовсе перестрелял нахрен! Особенно ту лису, что меня все-таки полоснула своими зубами!!!

«Послебоевой мандраж, – понял Каин по излишней горячности напарника и дрожжи в его голосе, – что неудивительно, учитывая, из скольких схваток он вышел».

– Рад за тебя.

– А вот ты, командир, как я погляжу, хромаешь, – сипло хохотнул напарник, успокаивая нервы.

Лягушка быстро нашел своего ведущего и теперь летел рядом с ним на одной высоте по правому борту в каких-то десяти метрах.

– Досталось немного.

– Но ты его красиво сделал...

– Ладно... комплименты будем расточать друг другу потом. Ригель – всем, приступаем к выполнению третьей части задания. Надеюсь, боеприпасы еще не все растратили? До-

ложитесь...

После проверки выяснилось, что три четверти ракет все же израсходовано. Впрочем, тут удивляться нечему, иначе с таким количеством противников разобраться так быстро за десять минут не получилось бы, да и потери были бы значительно больше, а не всего два «протона», хотя повреждения получили все без исключения. Даже тот же Лягушка, у которого при ближайшем рассмотрении «касательное» попадание оказалось вовсе не таким пустяковым, шел на дублирующей системе управления.

– Нормально, думаю, этого должно хватить. Курс северо-запад, идем на город.

Пока шли к городу, из-за неисправностей строй вынужденно покинули еще два «протона» и сели в чистом поле, в итоге от двух эскадрилий, что нырнули в атмосферу Прерии, осталась одна полновесная. Но, если постараться, даже оставшихся машин с натягом, но должно хватить.

– Но это даже к лучшему, – пошутил Лягушка, когда с курса сошел второй самолет, не дотянув до города каких-то двадцать километров.

– Это еще почему? – удивился Каин.

– Тринадцать, говорят, несчастливое число, Чертовой дюжиной еще называют, а одиннадцать – барабанные палочки, очень даже ничего, как раз для веселья годятся.

– Весельчак. Я б, может, с тобой еще согласился, если бы на этих двух не висело бы тридцати процентов всего нашего

вооружения.

Но праздную болтовню пришлось оставить и вновь произвести перераспределение основных целей наземной штурмовки, коими являлись в основном полицейские участки. Именно полиция, хорошо вооружившись, могла если не помешать основному веселью десанта, то значительно им досадить, растянув захват города на несколько часов, что приведет к значительным жертвам и даже разрушениям. Так что следовало по максимуму облегчить работу десанту, уничтожив склады с тяжелым полицейским вооружением и полностью их деморализовать.

К моменту подлета к городской черте все цели стали известны пилотам, и они отработали их в два захода. Сначала расстреливали стены, из пушек пробивая бреши, чтобы не тратить мощь дефицитных ракет на разрушение препятствия, а уже потом пускали саму ракету в образовавшуюся дыру.

Склады участков, которые атаковал камрад-полковник, разваливались точно игрушечные от многочисленных внутренних взрывов детонации боеприпасов. Вскоре над городом выросли столбы чадного дыма от возникших пожаров. Сопrotивления пиратам оказано не было и, еще немного покуролесив, разбив второстепенные цели, эскадрилья направилась к авиационной базе, чтобы не дать никому вновь взлететь в воздух, иначе второй битвы, даже с такими неумехами, потрепанная эскадрилья могла не выдержать, теперь уже

вполне могло сказаться численное превосходство. Ведь кроме четырех отпущенных Каином, вернулись из космоса не меньше двадцати бортов.

Но там, похоже, и не думали сопротивляться. Тем не менее, пиратская эскадрилья распахала взлетно-посадочные полосы кроме одной из пушек и разбила несколько пустых ангаров и несколько удаленных складов как с вооружением, так и с топливом, разогнав весь персонал.

– Ну вот, теперь их можно брать тепленькими...

Иннокент связался с «Неустрашимым» и сделал доклад:

– Камрад-адмирал, поставленная задача выполнена. Десант, который успел приземлиться, цел и идет своим маршрутом, город деморализован налетом и основные возможные очаги его сопротивления подавлены, база также будет под нашим контролем, если выслать группу захвата. Можно даже прислать пилотов. На поле наблюдаю около двух десятков машин. Думаю, большую их часть мы сможем прихватить с собой.

– Отлично, – ответил камрад-адмирал Дмитрий Баренцев. – Так мы и поступим. Сейчас вам передадут координаты станции ПВКО, она от вас недалеко, проконтролируйте, чтобы она больше не работала. Это откроет «окно» шаттлам с группой захвата и пилотами.

– Так точно. Присмотрим.

– Хорошо. Через полчаса шаттлы приземлятся в районе авиационной базы. Продержитесь?

– Вполне. Топлива у нас еще на час, – ответил Иннокент, посмотрев на топливные датчики. В атмосфере горючее расходовалось гораздо быстрее, чем в космосе.

– Вот и отлично, там и заправитесь заодно.

Каин с сомнением посмотрел на пожары, которые они устроили, но все же увидел несколько уцелевших емкостей.

– Так точно.

– Ждите.

– Ждем...

6

Несмотря на кружащие коршунами пиратские «протоны», операторы комплекса противокосмической и воздушной обороны Прерии все же решили попытаться счастья и попробовать сбить два одиноких шаттла, следующих к авиационной базе.

Две ракеты действительно успели стартовать и унеслись ввысь. Хотя примерные координаты нахождения комплексов ПВКО были известны, они все же оказались достаточно хорошо замаскированы среди растительности и экранированы от сложных систем обнаружения, чтобы пресечь пуски на начальной стадии открытия стартовых шахт.

Каин очень надеялся, что пилоты шаттлов все же достаточно хороши и не подорвутся. Что касается остальных пусков, то они не состоялись. Пилоты «протонов», пропустив первые два старта, собрались и в дальнейшем достаточно быстро засекали поднимающие люки шахт и расстреливали их содержимое из пушек, вызывая взрывы тяжелых «солярисов» и их мелких собратьев класса земля-воздух еще до взлета. Или, в крайнем случае, в считанных сотнях метров от земли, когда они еще очень медлительны.

Обошлось. Оба шаттла благополучно добрались до земли и под прикрытием самолетов сели почти у самых ангаров базы. Десант с самого «Неустрашимого» быстро, почти

без стрельбы, да и та звучала лишь для острастки персонала, взял все пространство базы под контроль, и измученные пилоты наконец смогли посадить свои не менее измученные и побитые «протоны».

– Срочный ремонт кому-то требуется? – спросил Иннокент, собрав своих подчиненных.

– Не-ет! – отрицательно закачали головами и замахали рукой корсары.

– А если подумать? – настаивал Каин.

Ответ повторился. Иннокент их понимал, все хотят урвать свою долю добычи. Десант уже всюю хозяйничает в городе, и пилотам тоже хотелось повеселиться. Тем не менее, камрад-полковник был бы плохим командиром, если бы не расспросил всех и каждого со всей возможной дотошностью, у кого какие неполадки и можно ли без немедленного ремонта по первому же требованию вернуться на орбиту и более того продолжить бой.

Оказалось, что можно. Даже его машина вполне могла обойтись без ремонта и всего с одним двигателем выйти в космос, пусть без вооружения и без полной заправки, чтобы только-только преодолеть притяжение планеты и добраться до крейсера. И потом его «протон» не починить своими силами (не полагаться же на местных механиков, которые с радостью «подложат свинью»), это нужно делать на крейсере со своими спецами.

– Ну что же, тогда вольным воля. Вон вроде неплохой гру-

зовичок стоит, – указал Каин Иннокент на несколько машин у диспетчерского пункта. – У нас на безобразия есть три часа, и не опаздывать. Ждать никого не будем. Думаю, мне вам не надо объяснять, что станет с тем, кто по собственной глупости останется на планете в момент отхода и попадет в руки правосудия?

– Не надо! – загудели пираты.

– Тогда все свободны...

Пилоты, кроме самого Каина, да еще Лягушки и Болта побежали к машинам.

– А вы чего?

– А ты чего? – в свою очередь с усмешкой спросил камрад-капитан Болт, в миру Тривас Роум.

– Я того... этого...

– Вот и мы того же самого, – кивнул Лягушка, камрад-лейтенант Хольд Овсеттер.

– Ладно, белоручки, пойдем посмотрим на трофеи, – кивнул в сторону ангаров Каин. – Вас это тоже касается, – прикрикнул Иннокент на пилотов, кои прибыли на Прерию именно как пилоты-перегонщики трофеев.

Как выяснилось, машины им достались вполне пригодные. Часть самолетов пилоты и механики постарались вывести из строя, чтобы они не достались пиратам, но фатально ничего поломать не смогли, во-первых, жалко, а во-вторых – не успели. В конце концов, корсары тоже не пальцем деланные, и довольно быстро восстановили все поломки, для

чего пришлось разобрать два «протона» на запчасти, сняв с них необходимые элементы, которые повредили на других машинах.

В итоге к взлету были готовы пятнадцать трофейных машин.

– Ну и чего стоим? – поинтересовался Иннокент у перегонщиков.

– Улетать?

– Конечно.

– Прямо сейчас, что ли?!

– Именно.

– А мы чем хуже? – удивился один из них.

– О чем вы? – действительно не понимал Каин, удивленно оглядывая окруживших его хмурых пилотов.

– Все, значит, веселятся, а мы что, рыжие, что ли? Нам тоже охота барахлишка немного прибрать! – объяснили ему.

– Мы тоже приложили свои силы к захвату и имеем право на свою долю!

– Да! – подтвердили остальные, особенно те, кто оказались лишними и корпели как простые механики. Им-то действительно спешить некуда.

– Черт с вами, идите и вы, – отмахнулся Каин в сторону машин.

Большой опасности он в этом не видел: если его пилотам камрад-адмирал грабежи разрешил, то, действительно, чем остальные хуже? Тоже ведь бились в космосе на своих «шме-

лях». А значит, право имеют.

– Двух часов вам позарез хватит, – добавил он, посмотрев на часы, отсчитывающие секунды в обратном режиме.

Еще два грузовика с радостными пиратами укатили в сторону города.

– Ладно... поехали и мы, что ли?.. – обратился к своим приятелям камрад-полковник. – Прихватим по паре безделушек на память об атаке на Прерию.

Спорить никто особо не стал. Они все же довольно молоды, и каждый хотел все увидеть своими глазами. Взяв джип, троица также последовала в город, захваченный космическими корсарами, жадными до поживы, кои всюду веселились, грабя банки, магазины, выгребая наличность и все мало-мальски ценное с прилавков и запасников. Не обошли они стороной и частные дома, особенно с молодым женским населением...

Стоило только въехать в город, как Иннокент об этом тут же пожалел. Лучше бы он остался на базе... Красивый и ухоженный город после набега пиратов превратился в грязный, разбитый и какой-то потерянный. Повсюду виднелись догорающие остовы машин и автобусов. В витринах и окнах выбиты стекла, тут и там валяются трупы местных жителей.

У Каина невольно защемило в груди. Ведь и он тоже один из виновников разрушения, страдания и смерти ни в чем неповинных горожан. Скольких из них убил именно он? Вот полицейский участок, возможно разрушенный ракетой, со-

шедшей с направляющей его «протона»...

«По-другому никак... по-другому никак... – повторял про себя Каин Иннокент. – Так надо...»

Но самоувещевание не помогало. На задворках сознания пульсировала другая мысль: «Благими намерениями выложена дорога в ад».

И то, что он видел, говорило ему, что ад уже распахнул перед ним свои врата.

Иннокент остановил машину на центральной площади.

– О, наши тоже здесь запарковались, – указал на два военных грузовика Болт.

– Что ж, и мы тут остановимся...

Центр любых городов, как правило, сосредоточение административных зданий, в том числе и банков. Вот их двери и были выбиты, так что зияли огромные рваные дыры. А десантники с хохотом и шутками уже выносили мешки с деньгами и прочими ценностями, извлеченными из сейфов и личных ячеек, и грузили в свои машины.

Простые корсары вряд ли задумывались об истинной подоплеке подобных налетов на слаборазвитые планеты окраинных миров Конфедерации. Их прельщала сама возможность грабежа и обогащения. Опять-таки мало кто задумывался над тем, что всеми полученными богатствами они не окупают и половины затраченных сил и средств, вложенных в налет. Ведь только в этом нападении они потеряли больше двух десятков самолетов, включая «космос-космос»,

а приобрели пятнадцать. А ведь еще утеряны никак не компенсированные шаттлы, не говоря уже о потере высококлассных спецов: пилотов и абордажников – истинная ценность.

Об истинной цели пиратских налетов не знал никто во всей пиратской среде, кроме двух человек: самого команданте Оникса, или камрад-президента Ассалта Виктора Баренцева и Каина Иннокента, камрад-полковника, получившего свое звание только потому, что стал посвященным, и через эту посвященность одним из приближенных главного затейника всего этого безобразия.

Но, видя все это, Иннокент вновь засомневался: правильно ли они поступают, верную ли стратегию выбрали, может, можно как-то иначе? Но никаких других способов и методов, кроме предложенных Ониксом, Каин не находил.

«Что если ему действительно все только почудилось? – подумал Иннокент, чувствуя, как все внутри у него немеет, а к горлу подкатывает ком тошноты. – Тогда все это напрасно. Разрушения... Смерти...»

Оникс собирал камни. Так он сам любил повторять при встречах и разговорах с Иннокентом, хотя истинный смысл этих библейских слов затерялся в веках. Но уж конечно Экклезиаст имел в виду что-то иное... Как бы то ни было, Оникс эти слова понимал почти буквально. И бросаться этими, с позволения сказать, камнями, он тоже собирался почти буквально.

Как считал сам Виктор Баренцев, несколько лет назад, будучи простым капитаном, командиром рейдера, он во время боя с пиратами в астероидном поле вступил в схватку с кораблем пришельцев.

Оникс в ожесточенной схватке уничтожил его, но и свое судно потерял, а вместе с ним и все данные о противнике. Из всего экипажа выжил только сам капитан, выброшенный взрывной волной в огромную пробоину в корпусе.

Естественно, после долгих часов, проведенных в открытом космосе, на последних ресурсах системы жизнеобеспечения скафандра, в ожидании спасательной команды, его рассказ приняли за бред. Ну чего только не могло привидеться человеку, уже ступившему на грань между жизнью и смертью, и какой смертью, одной из самых мучительных и ужасных – от удушья...

Нет ничего удивительного в том, что обычный пиратский

корабль в начавшем меркнуть сознании Виктора, когда мозг перенасыщен углекислотой, превратился в инопланетный. Как-то прояснить ситуацию не смогли даже детектор лжи и сыворотка правды, ведь человек искренне верит в то, что видел корабль пришельцев.

Понимая, что все бесполезно и его слова не воспринимают всерьез, Виктор Баренцев перестал упорствовать и, «вылечившись», хоть и с трудом, но вернулся на службу во Флот.

Каину даже трудно было представить, чего стоило Баренцеву остаться на службе. Таких людей ведь увольняют, пусть и под благовидными предложениями, но Виктор упирался и отказывался уходить в отставку. Тут свою положительную роль сыграл логический тупик: вылечился – значит здоров, значит годен к службе. Так что командованию не осталось ничего другого, как восстановить капитана, и не просто для бумажной работы, куда его тоже поначалу постарались спихнуть, а вновь посадить на корабль.

И почти сразу же после восстановления Виктор Баренцев исчез на новеньком рейдере.

В космосе такое случалось, и довольно часто. Корабли уходили в гиперпереход, «прыгая» в звезды, и не выходили. Кто знает, что случилось? Причин множество, начиная от неверно заданного курса, когда корабль уходит в вечный полет в гиперпространстве, и заканчивая сбоем в генераторе антигравитационного поля, когда корабль сплющивается гравитацией звезды почти в точку и сгорает. А может, он по-

гиб уже на выходе из-за поломки маршевого двигателя. Когда не хватило мощности, чтобы вырваться из цепких лап гравитации звезды.

Но капитан Виктор Баренцев не исчез, он сбежал, и среди пиратов появился новый бригадир – Оникс. Он решил сам защитить человечество от инопланетной угрозы, для чего, как он сам выразился, начал собирать камни.

Сначала объединил вокруг себя все пиратские бригады, да так ловко, что они до самого последнего момента не подозревали, что находятся под руководством одного человека. Но сил для этого пришлось приложить немало, среди пиратов разворачивались самые настоящие сражения. Тех, кто это понял слишком рано, или тех, кто ему не покорился, Оникс уничтожил или просто сдал Закону.

«Вторым этапом стало создание собственного тяжелого боевого флота», – вспомнил Каин слова Оникса, когда тот посвящал его в отдельные детали своего плана.

С чего бы вдруг он стал это делать? С чего это простой пилот стал доверенным лицом самого команданте, если о его истинных планах не знали не то что его брат, но даже сын? Последний момент объясняется легко – Виктор не хотел, чтобы его родные думали, что он сумасшедший, все-таки история с инопланетянами выглядит не слишком презентабельно. А ему от родных требовалось абсолютное доверие.

Ну а Каин Иннокент узнал потому, что прижал Оникса к стенке, желая его прикончить, чувствуя, что надвигается

какая-то катастрофа... И Баренцеву не осталось ничего другого, как рассказать почти все и сделать своего возможного убийцу доверенным человеком, знающим истинную подоплеку тех или иных странных решений и потому выполняющим их «от» и «до».

Баренцев поставил Каина перед нелегким выбором: убить его сейчас и тем самым спасти человечество от череды больших неприятностей, кои не обойдутся без жертв, и жертв больших, однако люди будут беззащитны перед возможным нашествием; или же оставить его в живых, тем самым погрузив миры в хаос, благодаря которому люди подготовятся к инопланетной угрозе.

– Для этого я развернул в космосе доселе невиданный, настоящий разбой, захватывая грузовики и танкеры якобы для последующей сдачи за выкуп, – спокойно объяснял Оникс Каину, несмотря на нацеленный в него пистолет. – Но далеко не все корабли отдавались прежним владельцам, потому как за них назначалась непомерно высокая цена. На деньги, которые я получал с кораблей, действительно возвращенных прежним владельцам через подставные фирмы, я закупал самолеты, получал оружие для кораблей и боеприпасы, ну и, естественно, платил пиратам. Почти сразу же, а точнее, параллельно второму этапу начался третий – политический. С тех же выкупов за корабли я начал финансировать политические компании довольно одиозных лидеров, по сути, ставя во главе планет своих людей или подконтрольных мне лич-

ностей и тем самым создавая у населения недовольство политикой Сената Конфедерации.

– Некто Жиринов ваш кандидат? – спросил тогда Каин, вспомнив довольно экспрессивного лидера на одной из пограничных планет.

– Мой, – кивнул Оникс. – Не слишком удачный выбор.

– Проиграл?

– Да... ну да та планетка не так важна. Скорее она обогатила меня политическим опытом, став одним из полигонов для пиаркампаний. Сейчас мы будем усиливать давление... И следующий налет на Прерию один из таких методов политического влияния. Нападения совершаются только ради политических целей, а не поживы. Разрушая и убивая, мы показываем жителям завоеванной планеты и других миров, что Конфедерация на самом деле слаба и не может защитить своих граждан. После такого нападения среди населения тут же возникнет настоящий взрыв сепаратизма, и на его волне в президенты планеты выйдет лидер, призывающий к большей самостоятельности, обладанию собственными полноценными вооруженными силами для собственной защиты, в том числе и в космосе. Он не станет довольствоваться слабенькими военными базами.

Кажется удивительным, что пират Оникс, помимо неприязни к Конфедерации, почти ничего не способной поделаться с пиратским беспределом, разжигал ненависть к самим пиратам, чьим предводителем являлся.

Но с другой стороны в этом нет ничего удивительного. Пираты с самого начала были для него ничем иным, как средством достижения цели – расходным материалом. Скоро пираты и вовсе выработают свой ресурс, предназначение, и Оникс с легкостью избавится от них, как избавляются от стершейся детали, чтобы заменить ее новой.

Вопрос в том, что же конкретно задумал Виктор Баренцев. Это пугало Каина Иннокента, заставляло его нервничать и в сотый раз думать над тем, а правильно ли он поступил, не нажав тогда курок. Что если Оникс, образно говоря, втирает ему очки?

«Тогда ему ничего не стоило бы меня шлепнуть сразу после того как я опустил пистолет, – отвечал себе Каин. – Но с другой стороны это не отвечает на вопрос: верно ли то, во что верит Оникс?»

Несмотря на гнетущее впечатление, которое оставлял город, Иннокент в очередной раз поразился гению Оникса. Его план работал как часы, не допустив еще ни одного хоть сколько-нибудь маломальского сбоя.

Единственное, что за все это время могло разрушить и похоронить его идею, это так и не вылетевшая из пистолета Иннокента пуля.

Не приходилось сомневаться и в том, что и здесь, особенно здесь, на Прерии, кандидат, чьи глянцевые плакаты висят на каждом углу, до сего нападения набиравший едва ли пятнадцать процентов голосов потенциальных избирателей,

возьмет в день голосования все семьдесят, а то и больше, и станет президентом – человеком команданте.

Не на всех мирах Оникс дожидался очередных выборов. Он действовал в режиме цейтнота, в любой момент ожидая прибытия кораблей чужих, и потому очень торопился. Чтобы взять нужный мир, устроив на нем внеочередные выборы, он прибегал к убийствам, замаскированных под несчастные случаи или естественную смерть вроде сердечных приступов.

Далеко не везде его дела шли гладко, но даже Каин, несмотря на приближенность к Баренцеву, не знал точно, сколько камушков скопилось у него в коллекции. Пять? Десять? Но, судя по всему, уже достаточно. Не хватало только главных, и Прерия один из таких главных камней.

Каин сделал выбор и опустил тогда пистолет, а теперь, глядя на поднимающиеся к чистым небесам столбы дыма, в который раз мучительно размышлял: «А правильно ли я поступил? Вдруг этот инопланетный корабль действительно только плод воображения Баренцева?»

И ведь ни с кем не разделить сию тягостную ношу. Никому не рассказать о своих страхах и сомнениях, ведь это одно из условий команданте, и на проверках его спрашивают: рассказал ли он кому о беседе с Ониксом, обсуждал ли он ее с кем-либо. А ноша тяжела, ох как тяжела...

«Возможно, он оставил меня в живых только затем, чтобы просто разделить груз ответственности», – вдруг подумал

камрад-полковник Иннокент, и эта мысль вселила, а точнее вновь раздула огонек надежды, что команданте все же не безумен... но поручиться за это опять-таки нельзя.

8

Каин, минуя дверь, зашел в небольшой магазинчик, торговавший посудой, через разбитую витрину. Казалось, в городе уже нет ни одного уцелевшего стекла. Вот и здесь десантники уже успели повеселиться и, мимоходом вывернув и разбив кассовый аппарат в поиске наличной выручки, разбили все, что только можно: все прилавки перевернуты, полки сброшены и вся выставленная на них посуда разлетелась на осколки.

Даже удивительно, что две тысячи человек могут так сильно за столь короткий срок набедокурить в трехсоттысячном городе. Ничто не ускользнуло от их внимания.

Только лишь в углу грудой, тускло поблескивая, валялись чудом уцелевшие образчики посуды. Подойдя поближе Иннокент понял, почему так – этот набор оказался изготовлен из какого-то стального сплава.

«Алюминий? Олово? – попытался разобрать он, подняв тарелку и взглядевшись повнимательнее. – А то и вовсе дюраль... Но работа явно ручная, не штамповка».

Как бы то ни было, искусная работа, с которой неизвестный мастер выполнил сервиз на шесть персон, поскольку Каин насчитал максимум шесть бокалов и шесть вилок, значит, и всего остального по шесть, очень понравились ему.

«В конце концов, грабитель я или кто? – подбодрил себя

Каин, потому как внутри все протестовало против грабежа, и стал собирать сервиз в найденную коробку. – Марку надо держать... А то дом на Ассалте вот-вот поставят, а мне даже подать обед не в чем будет. Не в пластиковые же плоски наливать...»

Пиратская планета Ассалт, как ее назвал Оникс, оказалась довольно пустынным местом с пейзажами типа «африканская саванна», с одним раскидистым деревом на двести-триста квадратных метров и морем высокой желтой травы. Воды там было мало, может, потому колонисты и не спешили заселять сей довольно отдаленный от человеческого домена и скудный на воду мир.

Вода там все же была. Плескались соленые океаны, чуть более пресные внутренние моря и озера, а город ставили на одной из самых больших рек, которая даже в самом широком своем месте в дельте не превышала пятидесяти метров.

Но пиратам, в отличие от полноценных колонистов, много не надо. Выращивать они ничего не собирались, только на питье, помывку да спустить за собой в сортире. Дома строились по старой технологии, из подножного материала. Огромная машина загребала грунт и в своей утробе, где размещалась плазменная печь, делала из него блоки, из коих уже другая строительная машина и собирала простенькие по планировке, небольшие как по площади, так и по высоте дома.

Сервиз оказался довольно увесистым, но ничего более

брать Иннокент не собирался и зашагал к машине, оставленной на площади, дожидаться остальных.

«Интересно, какие у них будут трофеи?..»

Пока шел к машине увидел трех десантников, со смехом тащивших зареванную девушку. Она кричала, слабо сопротивлялась и просила отпустить ее.

Иннокент скрипнул зубами, но продолжил идти своей дорогой. Что поделать, Оникс разрешил в качестве трофеев брать и проституток из публичных домов. В конце концов, женщин в пиратских экипажах почти нет, а поскольку им путь на другие миры, где можно купить любовь, закрыт, команданте разрешил брать проституток. Им предполагалось платить, как платили раньше, а не держать безвольными рабынями. Так что тут все чин чинарём...

– Давай, деточка, не упрямясь! Заработаешь у нас сказочно!

Тройка снова засмеялась.

Каин резко остановился. Обычно к проституткам так не обращаются – «деточка». В лучшем случае употребляют эпитеты «крошка», «лапа», «подружка» и другие, не говоря уже о более грубых.

«Да и одета она вполне пристойно, – подумал Каин, снова окинув девушку взглядом. – Не похоже, что из борделя вытащили».

– Эй, парни!

Десантники не сразу обратили внимание на пилота, так

что Иннокенту пришлось повторить еще раз, повысив голос.

– Чего тебе?

– Кого тащим?

– Отвали, летала! Кого нам надо, того и тащим! Сам знаешь, разрешено...

– Что-то она не похожа на проститутку... – с сомнением сказал Иннокент. – Да и молода она слишком.

– Я не проститутка! – выкрикнула девушка, пытаясь высвободиться из железной хватки, но тщетно.

– Ну вот...

– Значит, станет, – хмыкнул главный из троицы, и остальные поддержали его смехом.

– Отпустите ее. Или я добьюсь, чтобы вас наказали за нарушение приказов Оникса.

Главарь быстро посмотрел по сторонам. Каин тоже невольно стрельнул глазами и, никого не увидев, понял, что задумал десантник. И еще до того, как громила открыл рот, чтобы что-то сказать, Иннокент уже бросил ящик с посудой и вынимал из кобуры пистолет.

– Не дергайтесь, парни, – сказал он, нацелив ствол в голову главного. – Отпустите ее. Не стоит она вашей жизни.

Тот, что стоял слева, дернулся в сторону, перехватывая из-за спины автомат, но Иннокент выстрелил первым ему в ногу. Боец с криком боли рухнул на асфальт, корчась и зажимая рану.

– Урод! Я урою тебя! Только попадись мне, летала, и ты

пожалеешь, что родился на свет! – кричал раненый.

– Ну вот, теперь вы поняли, что я не шучу.

– Ладно, летун, твоя взяла... но в будущем почаще оборачивайся. Такого мы действительно не прощаем, – предупредил главный, указав на раненого товарища, который продолжал корчиться на дороге, шипя от злости и боли.

– Непременно.

Десантник отпустил девушку, и она, чуть не упав, быстро побежала к ближайшему дому, чтобы в нем укрыться.

Десантники, еще раз зло сверкнув глазами, помогли встать своему раненому товарищу и пошли дальше своей дорогой.

– Ну, хоть одно доброе дело сделал за весь этот поганый день, – с огромным облегчением выдохнул Каин и, проводив взглядом десантников, даже ни разу не обернувшись, стал собирать разлетевшуюся от падения посуду.

– Даже не поблагодарила...

9

Сигнал экстренного всеобщего сбора поступил на полчаса раньше расчетного времени возможного прибытия первого корабля конфедератов. Иннокента, Болта и Лягушку он застал уже на полпути к аэродрому, в то время как остальные только-только собирались, нагруженные тюками с награбленным.

– Что случилось, камрад-адмирал? – спросил Каин, связавшись с крейсером уже на базе. – Конфедераты на горизонте?

– Они, – подтвердил командующий пиратской эскадрой. – Только что два легких крейсера вышли из прыжка.

– Быстро... – не без удивления проговорил камрад-полковник Иннокент.

Он знал, что все корабли Конфедерации сейчас стоят с таким расчетом, чтобы максимально быстро выдвинутся на помощь окраинным мирам, а не внутренним, каким являлась Прерия. Где-то, получается, они недоглядели. Что странно, ведь пиратская разведывательная сеть очень велика, и хорошо отлажена, потому как они могут проникать куда угодно под видом торговцев.

«Но, может, все дело в том, что командиры этих патрульных крейсеров совершили несколько прыжков по ближайшим звездам, сделав немаленький крюк, – подумал он. – Как

ни странно, это действительно быстрее, чем маневры с выбором вектора у звезды базирования. Правда, еще вопрос: как эти маневры пережил экипаж...»

Частые прыжки действительно пагубно влияли на людей, так что старались больше двух прыжков в день не делать, а после этого еще несколько дней отдыхать. Но придерживаться этого правила не получалось, тем более у пиратов, коим приходилось после набега заметать следы.

– Быстро, – кивнул Кентавр. – Так что и нам надо поторапливаться. Два легких крейсера для нас не фатально, можем проскочить, но вскоре могут появиться другие.

– Через полчаса мы будем в воздухе, камрад-адмирал. Я уже вижу первые машины, возвращающиеся из города.

– Хорошо.

– Что, запахло жареным? – спросил Болт, после того как Каин закончил переговоры и стоял с хмурым видом, от нетерпения притоптывая ногой.

– Точно, камрад-капитан Роум. Так что давайте поменяем свои машины на вот эти новенькие. Чувствую я, что веселье на сегодня еще не закончилось.

В воздух Каин поднимался на трофейном «протоне» с полным ракетным вооружением на подвесках и до отказа набитыми снарядами короба, оставив свой с подбитым двигателем. Болт тоже поменял самолет, лишь Лягушка отказался, его машина и так была целее самых целых.

«Интересно, как там Насос?» – вспомнил Иннокент Рема

Даскинса, своего напарника еще по службе во Флоте Конфедерации Миров.

Однажды они уже встречались, будучи по разные стороны баррикад, и Каин его сбил, но тот, к счастью, сумел катапультироваться.

«Стал он уже майором или еще нет? Ведь вполне возможно, что он сейчас на одном из этих двух кораблей, и нам предстоит новая встреча... Не хотелось бы».

Сразу по прибытии на крейсер «Неустрашимый» Каин заставил всех заняться своими машинами с целью в кратчайшие сроки устранить максимальное количество неполадок. Начиная от внешних повреждений – замена броневых пластин, чего хватало у всех, и заканчивая внутренними – тарировкой приборов и устройств.

– Да на кой?! – возмутился Болт. – Мы свою работу сделали. Теперь от нас ровным счетом ничего не зависит.

– Ты забыл, что нас поджидает противник и нам придется прорываться с боем?

– Нет конечно, но сам посуди, бросаться двадцатью «протонами» даже на один крейсер – самоубийство в чистом виде. Мы либо проскочим, либо нет, и самолеты тут ничего не решат.

– Согласен... – легко кивнул Иннокент, впрочем, не собираясь отступать от задуманного. – Можешь считать, что это приказ. За работу.

– Перестраховщик.

– Да, я такой... потому и командир.

Подавая личный пример, Каин засучил рукава и со своим механиком Кернером занялся латанием своего истребителя-перехватчика.

От Прерии к звезде «Неустрашимый» шел на полной скорости, это чувствовали все по натужной вибрации палубы. Оно и понятно, в ловушке оказаться никак не хотелось. Ведь если сумели раньше времени появиться два легких крейсера, то вполне вероятно, что также прежде срока могут появиться другие корабли. А это уже полный звездец.

И хоть Каин точно этого не знал, но предполагал, что оба легких патрульных крейсера Конфедерации будут ловить только «Неустрашимого», оставив без внимания более мелкие цели, разлетавшиеся во все стороны, чтобы беспрепятственно уйти в прыжок, оставив крейсер один на один со своими противниками. Не очень-то это по-товарищески.

Спустя несколько часов, когда крейсер подобрался к звезде, всем пришлось отложить работу и, надев скафандры, занять свои места в противоперегрузочных креслах у переборки – корабль начал резко маневрировать.

– Стреляем... – тихо произнес рядом сидящий Лягушка.

– Значит, по нам тоже пуляют, – еще тише добавил Болт.

Каин с трудом сглотнул. Это всегда противно, когда по тебе стреляют, а ты ничего не в силах поделать, только сидеть и ждать: пробьет снаряд от электромагнитной стомиллиметровой пушки борт перед тобой, в лучшем случае сразу убив

каким-нибудь осколком, а в худшем выбросит живым в открытый космос, или же нет.

– Камрад-полковник Иннокент... – прозвучал голос Дмитрия Баренцева.

– Камрад-полковник Иннокент на связи, камрад-адмирал! – тут же отозвался Каин.

– Мы попали в сложную ситуацию, Ригель. Предполагалось, что мы свалим отсюда за полчаса до появления первого корабля Конфедерации, но, как видишь, несколько просчитались.

Каин кивнул. Говорить тут нечего.

– От меня что-то требуется конкретно, камрад-адмирал? – с замиранием сердца спросил он, понимая, что ничего хорошего, и уж конечно легкого от его парней точно не потребуют.

– Да... Конфедераты поумнели. Каждый раз, когда мы пытаемся выйти на стартовую точку, они быстро определяют разгонный вектор и блокируют его, сбрасывая у нас на пути несколько шаттлов-брандеров с дистанционным управлением, дабы создать нам опасность столкновения...

– Наша старая тактика.

Пираты поступали точно также, ставя на курсе движения торгового корабля-жертвы катер, и тому не оставалось ничего другого, как искать обходные пути, а это снижение скорости, что позволяло корсарам пойти на абордаж.

То же самое с боевым кораблем. Легко высчитать необхо-

димую дистанцию, требующуюся для разгона подобного типа корабля, и поставить препятствие там, где крейсер уже просто не сможет их обогнуть, для этого скорости слишком велики, значит, может не хватить времени для поправки курса, и тогда пиши пропало. Хватит одной единички после нуля даже в десятом знаке, чтобы корабль, войдя в звезду, уже никогда не вышел из гиперпрыжка. Все должно быть предельно точно.

– Именно... они переняли ее. Твоя задача уйти вперед и уничтожить эти шаттлы. Для наших пушек они слишком малы и подвижны. Кроме того, пушки заняты другими более крупными целями.

– Ясно.

– Готовься, Ригель. Сейчас мы идем к другой стартовой точке, и тогда пойдете вы, чтобы сбить все шаттлы у нас на пути. Я уже приказал выделить вам все необходимые боеприпасы.

– Слушаюсь.

Иннокент прекрасно понял, что для любого, кто получит повреждения и при этом не погибнет, но не сможет вернуться на корабль, начавший разгон, смерть станет только избавлением. Ведь впереди его будут ждать долгие десятилетия тюрьмы... скорее всего, без возможности покинуть ее.

Тут открылись створы, ведущие в оружейный погреб, и на специальной ленте стали появляться ящики с ракетами класса «космос-космос» дальнего радиуса действия из рас-

чета по две на самолет.

– За работу!

Второй раз повторять не пришлось, и пилоты с механиками, отстегнувшись от кресел, стали подвешивать длинные цилиндры ракет к подвескам своих «протонов». После чего все пилоты заняли свои места уже непосредственно за штурвалами самолетов, приготовившись к боевому вылету.

Крейсер продолжал маневрировать, пытаясь запутать противника, но это становилось уже слишком опасно. «Неустрашимого» дважды потрянуло от попаданий. Оставалось надеяться, что пушки крейсера тоже хоть иногда попадают...

– Старт!

Две эскадрильи в три секунды выскочили из бортов «Неустрашимого» и почти синхронно легли на курс, на полной скорости направившись к уже сброшенным с малого крейсера шаттлам. Противник среагировал достаточно быстро, и наперерез с обоих кораблей конфедерации стартовали сорок «протонов».

Тяжелые корабли продолжили перестрелку с интенсивными маневрами.

– Расклад явно не наш... – заметил по этому поводу Болт.

– Прорвемся...

– Как? – не унимался Болт. – Это не сопливые «жуки», которые только и могут, что самолет от земли оторвать и даже сесть, не сломав стоек шасси. Это профессионалы...

Что правда, то правда. Если с «жуками» они могли смело схватиться пятнадцать против пятидесяти без особых для себя хлопот, то с относительно равным по классу противником, имеющим двойное превосходство в числе, это уже становилось просто очень извращенной разновидностью самоубийства. Шансов никаких.

– Знаю, Болт. Есть предложения?

– Ни одного.

– У меня те же проблемы.

– Но делать что-то надо...

– Согласен.

Каин еще раз посмотрел на радар, и, наконец, к нему пришло решение.

– Вот что... Время подлета самолетов с крейсера «один» минут сорок... с крейсера «два» – десять-двадцать...

– И?

– На пути «Неустрашимого» пять шаттлов, – продолжил Каин, – думаю, хватит одного «протона», чтобы разделаться хотя бы с одной калошей. Добавляем еще один для подстраховки, в итоге три звена идут на шаттлы...

– А остальные?

– А остальные объединяются в одну группу, и направляемся навстречу эскадрилье с крейсера «один».

– Верно... в итоге у нас даже соотношение становится не один к двум, а один к одному с четвертью. Это нормально. Особенно если учесть, что у нас опыта побольше.

– Вот и я о чем. Только сработать нужно быстро, чтобы успеть прикрыть атакующих.

– Это уже как получится, – отозвался Болт. – Но все лучше, чем устраивать кучу малу с заведомо предсказуемым негативным результатом.

– А почему бы с первой группой один на один не помахать, а потом со второй? – спросил Лягушка. – После чего спокойно раздолбить шаттлы.

– Заманчиво, но, увы... слишком много факторов, не под-

дающихся прогнозу. К тому же сейчас не до объяснений.

С этими словами Каин быстро выделил шестерых пилотов, коим предстояло атаковать шаттлы, в основном не очень умелых в бою, в том числе и Лягушку, им всего-то и надо, что на максимальной скорости добраться до цели и пустить ракеты. А остальные, объединившись в одну группу, по приказу камрад-полковника устремились в сторону эскадрильи с малого крейсера «один».

– Болт...

– Слушаю, Ригель.

– Видишь, немного обособленно идет группа из четырех машин?

– Да.

– Берем их.

– Вдвоем?

– Ага. Пускаем на них свои тяжелые ракеты, все четыре.

– Понял.

Пилоты распределили между собой цели, на половинной дистанции произвели пуски и тут же пошли вдогонку.

Жертвы тут же ушли в противоракетные маневры, отстреливая обманки. Но тяжелые ракеты на эти уловки не реагировали. Они были достаточно медлительны, чтобы повторять все маневры целей, не «срываясь», чтобы потом резко менять курс, снова увязываясь за целью. Нет, эти ракеты сближались медленно, но верно, и запас хода у них был будь здоров, именно на это свойство и рассчитывал Иннокент.

– Берем тех, что посильнее... – добавил Каин.

– Понял.

Бывалые пилоты выбрали тех, кто достаточно успешно отбивался от ракет, с ними следовало покончить как можно скорее.

Пока они нагоняли выбранных противников, одна ракета нагнала-таки свою жертву и подорвала ее. Другой отделался легким испугом – подорвал ракету противоракетой в опасной от себя близости.

Иннокент сблизился со своей жертвой, пустил еще две ракеты уже для ближнего боя в направлении по правому борту и «снизу», а сам стал заходить с левого и чуть вверх. К этому моменту его жертва разделалась с тяжелой ракетой и инстинктивно дернулась от еще двух посланцев «вверх» и влево. Тут-то его Каин и поймал, засадив длинную очередь. Брызнул колпак кабины, и «протон» завертелся в неуправляемом полете.

На Иннокента насел один из «слабачков», также отступив очередь из пушки и пустив две ракеты. В свою собственную ловушку Каин не попался, отследив, куда направился его противник, и пошел в противоположную сторону – на ракеты, обильно пуская шашки.

Осколки обеих ракет, взорвавшихся в опасной близости, пробарабанили по броне, и Каин сделал резкий разворот в сторону противника, вновь приноравливающегося для следующей очереди, но сам вновь пустил ракету и только потом

начал стрелять из пушки.

Противнику не повезло. Один из снарядов повредил систему отстрела противоракетных шашек. Пустить оставшуюся противоракету конфедерат не смог, не тот угол атаки и слишком близко, чтобы развернуться... В общем, изначально ракета-пугач подорвала один из двигателей «протона» конфедерата. Приблизившись, Каин размолотил ему второй.

– Ригель – Болту, справился?

– Без проблем.

– Тогда продолжим...

Время уходило, и, кроме того, их объединенные эскадрильи тоже понесли потери. Двое сбиты, еще один окрасился в оранжевый цвет неустранимых повреждений, наподобие тех, что нанес Каин своему визави. Плохо. Ему даже на корабль не вернуться.

Но делать нечего, нужно драться дальше. Радовало только то, что они изрядно покромсали противника. Ракеты дальнего радиуса действия стали для конфедератов неприятной неожиданностью. Их взрывы оказывались слишком мощными и доставали цель, в то время когда обычная ракета просто осыпала борт осколками, как стену горох.

И вот новая схватка. Иннокент дрался, можно сказать, на автомате, давая команды бортовому компьютеру в ответ на его запросы, переключаясь на резервные каналы управления, когда пробивали основные. Часть его сознания отслеживала шестерку атакующих самолетов, и с каждой секундой

становилось ясно, что в его расчет вкралась ошибка – они слишком завязли и не успевают разделаться со своим противником, чтобы прикрыть пилотов, атакующих шаттлы.

Атакующим на перехват шли двенадцать машин, вполне достаточно, чтобы остановить их. Что уж говорить, хватило бы и шести. Их перехватят раньше, чем они успеют пустить ракеты, и никто из этой шестерки даже не додумался сделать небольшой крюк в сторону от перехватчиков, чтобы оторваться и дожидаться помощи – перли по прямой, и предупреждать уже поздно, дюжина конфедератов уже заходит в хвост.

Остальные пилоты с крейсера «два» двигались к месту боя пиратов с эскадрильей с крейсера «один». А зря. Соотношением восемь на восемь пиратов точно не испугать. Именно таким оно стало, когда они подоспели, а в эскадрилье с крейсера «один» не осталось ни одного боеспособного «протона».

И снова бой.

Только лишь колоссальный опыт и невероятная дерзость не позволили корсарам проиграть и даже понести равные потери в этой схватке, где каждый имел кучу повреждений от предыдущих схваток, уже изрядно опустошенные кораба с боеприпасами и пустые подвески от ракет. От их восьми машин осталось пять, но зато восемь машин конфедератов уже не могли сесть им на хвост, когда они помчались выручать своих.

Тем временем пилоты, шедшие атаковать шаттлы, увидев, что их нагоняют и вот-вот начнут стрелять в «спину» и пускать ракеты в двигатели, произвели пуски на предельной дистанции и завязали неравную схватку. Сразу же произошел взрыв одного из «протонов» и, как понял камрад-полковник по данным своего БК, погибший был из числа корсаров.

«Ч-черт», – выругался Каин.

Он бы пустил ракеты по шаттлам только в самый последний момент, когда по ним уже открыли бы огонь, а ракеты вот-вот нагонят.

– А эти сразу... нервы не выдержали, но, может, еще есть надежда.

К моменту, когда они подошли на выручку своим, три из пяти шаттлов разнесло на части, но и двух вполне достаточно, чтобы преградить дорогу начавшему разгон крейсеру.

– Ригель – лягушке...

– Да...

– Выходи из кучи.

– Я занят...

– Я что сказал! Давай, делай свой коронный лягушачий прыжок – и мигом к шаттлам! Вы не сделали свою работу!

– Понял, но...

– Я их отрежу.

– Выполняю...

Лягушка и впрямь в самый последний момент сделал такой крутой разворот, что потерял сознание на добрых де-

сять секунд. Именно столько времени его машина, взятая под контроль автопилотом, летела совершенно в другую сторону от цели, пока очнувшийся пилот не взял управление на себя и не развернул «протон» на нужный курс.

Каин Иннокент, как и обещал, отрезал от него конфедератов и удерживал на себе до тех пор, пока камрд-лейтенант Овсеттер не ушел далеко настолько, что преследовать его не имело смысла.

Через бесконечно долгих полторы минуты, пока Иннокент не давал себя убить, на радаре пропали метки последних двух шаттлов.

– Я сделал их! – радостно отчитался Лягушка.

– Молодец... Возвращайся, и побыстрее.

– Уже...

Камрад-полковник Иннокент переключился на «Неустршимый».

– Камрад-адмирал, задача выполнена, шаттлы уничтожены. Потери...

– Вижу... Молодцы... готовьтесь возвращаться по правому борту, повторяю: по правому борту. Левый разбит...

– Вас понял... по правому борту.

«Неустршимый» начал разгон, выходя из битвы с легкими крейсерами, продолжавшими его обстреливать. Каин даже боялся представить, что стало с их кораблем. Удивительно, что он вообще еще цел и, что еще более удивительно – на ходу, в отличие от одного из его противников, кажется, под

номером «один», выполнявшего маневры слишком медленно, но зато «второй» не отставал.

Крейсер затормозил совсем на чуть-чуть, ровно настолько, чтобы пять оставшихся разбитых «протонов» с огромным риском сумели влететь в свои ячейки. Риск оказался слишком велик, и одну из машин при попытке войти в ячейку огненным шлейфом размазало по борту.

Стоило ли оно того? Да. Ведь к месту боя уже шел линкор, и задержись они еще чуть-чуть, не ушел бы вообще никто.

В своем только что отстроенном домике у реки, на Ассалте, Каин Иннокент не пробыл и суток, когда его вызвали в так называемый президентский дворец. Скорее его можно было назвать особняком в три этажа, или же виллой.

К слову сказать, помимо президентского дворца полностью готовыми к эксплуатации зданиями во всем городе были только два десятка баров да дюжина публичных домов, быстро заполнявшихся работницами. А также казарменные гостиницы, где в номерах, по старой флотской традиции называемых кубриками, по четыре человека отдыхали отпускники. Но в кубриках они только ночевали, все остальное время люди проводили в тех самых барах или со жрицами любви, чьи клиенты записывались к ним на прием за две недели.

Поскольку отстроенных помещений всем не хватало, за кирпичными домами раскинулась палаточная часть города.

– Камрад-президент... – промолвил Каин, гадая, зачем Виктор Баренцев вызвал его к себе.

Поводов не так уж и много. Собственно, Иннокент по большому счету не видел ни одного. Ну он доверенный человек камрад-президента, и что? Пригласил поговорить за жизнь? Нет, Оникс не из таких людей. Это жесткий, даже жестокий человек, а подобные разговоры по душам признак слабости. Он говорит не больше, чем нужно знать для успеш-

ного выполнения задания.

«И вряд ли по поводу прошедшей операции, – продолжал размышлять Каин. – Все рапорта написаны. Разве что он хочет дать мне какое-то новое поручение».

– Ригель... проходи, садись, – указал Оникс на кресло напротив своего стола, заваленного бумагой, на котором стояли сразу два компа. – Не стой истуканом. Выпьешь чего?

– Не хочется.

– Как все прошло?

– Если вы о налете на Прерию, то, если учесть, что я потерял шестнадцать пилотов из двадцати, вряд ли это можно считать хорошим результатом.

– Вот и я про что...

– Э-э...

– Не напрягайся, – не очень-то весело хохотнул Оникс и так же грустно улыбнулся. – Твоей вины в этом нет. Более того, ты сделал все возможное в тех условиях, я даже тебя потом награжу за эту операцию... Один мой художник-геральдист как раз орденскую и медальную систему разрабатывает.

«Ну да, куда же без этого в любом уважающем себя государстве», – с легкой усмешкой подумал Иннокент.

– Я, собственно, почему об этом заговорил... похоже, старая тактика больше себя не оправдывает. Конфедераты приходят слишком быстро. Вообще можно считать чудом, что вы вырвались... особенно если учесть, что крейсер чуть не развалило.

– Ваш брат Дмитрий хороший адмирал. Вывернуться из-под пушек двух крейсеров, пусть и легких, при этом один из них хорошо повредив, это надо уметь.

– Да, это он может, когда прижмет, – согласился Оникс. – Потому и камрад-адмирал, а не из-за того, что мой брат... по крайней мере не в первую очередь. Но я пригласил тебя не для разговоров о моем брате. Поскольку тактика нападения стала чересчур накладной, нужно переходить к другим способам политического давления.

С этими словами камрад-президент Баренцев достал общую карту звездного неба, заселенного людьми, и, расстелив ее на столе, пододвинул ближе к Иннокенту.

– Видишь вот эти кружочки? – указал он на кружки красного цвета, в которых заключались звезды.

– Да...

– Это системы, которые уже так или иначе находятся под моим контролем.

– Ого! – невольно восхитился Каин, насчитав двенадцать кружков.

– Это не так уж и много. Особенно если учесть, сколько зачеркнуто...

Зачеркнутых крестиком насчитывалось семнадцать штук. Не требовалось много времени и мозгов, чтобы понять, что здесь выборы кандидаты Оникса проиграли. В кружках в большинстве своем были колонии от небольших союзов, федераций, а то и вовсе независимых метрополий, особенно

остро чувствующих беззащитность, потому как эти образования не имели мощных флотов.

Каин подумал, что когда все начнется, многие такие «бедные родственники» присоединятся к Ониксу добровольно, без всякого вмешательства с его стороны.

А вот среди зачеркнутых планет в большинстве своем колонии Конфедерации Миров. Самого мощного и динамично развивающегося государственного образования.

– Имеющегося в наличии слишком мало, чтобы создать свою империю...

– Империю?! – воскликнул Иннокент, хотя, признаться, он уже догадывался, для чего именно собираются планеты.

– Ну да, – кивнул Оникс. – Империя, союз, федерация... названий много, но суть одна. Я собираю камни теперь уже не в виде кораблей, а планет, которые станут фундаментом нового государства в противовес Конфедерации.

– А как же...

– Пираты?! – засмеялся Оникс. – Они расходный материал. Цемент для скрепления моих камней. Космические корсары, собственно, станут катализатором, и борьба с ними будет основной идеей, благодаря которой и должно произойти объединение планет.

– Получается какая-то война самого с собой... одна рука пытается завалить другую.

– Именно. Согласись, что так гораздо легче победить, подставив одну из сторон.

– Но зачем?

– Зачем? Вот это уже следующий этап, и ты его узнаешь только в свое время, не раньше и не позже. И так, на чем я остановился?.. Вспомнил. Миры, которые уже есть в моей копилке, все аграрные с самым минимумом технологического развития. Они по сути нужны исключительно для количества и из-за неплохого живого потенциала, там много молодежи... А молодежь горяча, порывиста и жаждет приключений. Я сам таким был... им до тошноты надоели свои пустынные миры, и они хотят повидать вселенную, почувствовать себя чем-то большим, причастным к чему-то большому, великому.

«И ты обеспечишь их такими приключениями, что им потом самим дурно станет», – подумал камрад-полковник.

– Зелеными кружками отмечены миры, которые в течение полугода стопроцентно станут нашими, как только там пройдут выборы.

Иннокент насчитал таких четыре и среди них быстро нашел Прерию, планету от Конфедерации, остальные от прочих миров.

– В итоге мы можем рассчитывать на союз шестнадцати планет.

– А эти желтые? – показал Каин на соответствующие кружки также в количестве четырех штук.

– Желтыми кружками отмечены миры, которые требуется взять под контроль во что бы то ни стало, – пояснил Виктор

Баренцев. – Но главный камешек из них вот этот – Касабланка. Мы можем не взять остальные три, но этот нужен кровь из носу! Если мы не возьмем его, но возьмем три этих, они все равно не компенсируют его, и дальше можно не продолжать. Все теряет смысл.

– Почему?

– Этот мир единственный из числа новоразвитых, на котором есть хоть какая-то производственная база. Но главное то, что всего год назад здесь построили орбитальную ремонтную станцию.

«Ну это яснее ясного: корабли нужно где-то ремонтировать», – понял Каин.

– А что требуется конкретно от меня, камрад-президент? – спросил Каин Иннокент, действительно не понимая, что от него нужно. Но ведь нужно, иначе бы Оникс не стал бы ему ничего рассказывать, тратя свое драгоценное время и посвящая в довольно опасные тайны. Опасные в первую очередь для самого Каина, уже потом для Оникса.

– Ты должен помочь мне взять Касабланку. Надавить силой на нее мы не можем, хотя я предпочел бы надавить именно на нее, а не на Прерию, но, увы, тут базируется несколько кораблей Второго Флота Конфедерации, и подобная затея изначально обречена на провал. Потому нужно действовать исключительно политическими средствами.

– Что же там должен делать я, если учесть, что абсолютно ничего не понимаю в политике?

– Тебе все объяснят на месте, что да как. Главное, у тебя есть мозги, которыми ты к тому же умеешь пользоваться, а не просираешь их, балуясь спиртным и дурью, что большая редкость. А именно такие люди мне нужны, и как можно больше на Касабланке и других мирах, за которые я веду борьбу... А на Касабланку едешь именно ты, поскольку предельно четко знаешь, для чего это нужно, и потому сделаешь все возможное и даже невозможное.

– Я, конечно, благодарен вам за доверие, камрад-президент, и приложу все силы, но, если вы не забыли, я вроде как занесен во все картотеки, и стоит мне где-то появиться, как...

– Это не проблема, – небрежно отмахнулся Оникс. – В частности на Касабланке, если не будешь сильно светиться, а тебе не придется, ты же не активист какой, будешь чист перед Законом, как слеза младенца.

И снова Иннокент поразился тому размаху, с каким действовал, в общем-то, в своем еще не таком далеком прошлом обычный капитан – командир рейдера, даже не корвета и не фрегата, не говоря уже о более тяжелых кораблях...

Ведь тут требовались гигантские, очень подробные знания в столь разных областях, что голова кружится от одного перечисления: политика, экономика, социология, разведка, контрразведка и многое другое... А чтобы все это спаять друг с другом в единую систему, требовались недюжинные организаторские способности. Все это он вряд ли мог

получить во время учебы в Академии и непосредственно на службе. Значит, скорее всего, изучал самостоятельно по ходу дела.

«Даже странно, что к сорока годам с такими талантами тактика и стратега он оставался всего лишь капитаном, а не полковником или хотя бы майором, – поразился Каин. – Странно, что он вообще не добрался до адмиральских звезд!»

Каин даже хотел спросить у Оникса о причине такого низкого звания на службе во Флоте, но удержался. Вдруг тут что-то личное? Опять же у подобных умников всегда плохие отношения с начальством, что плохо отражается на карьере прежде всего самого «умника».

Но Каин не удержался от другого вопроса:

– И как вам только удалось все это организовать?! Да еще держать все в своих руках, отслеживать и направлять...

– А вот этого тебе лучше до поры до времени не знать, Ригель, – усмехнулся Виктор Баренцев. – А то вдруг все же попадешься в руки АГБ. Если у них есть хорошие аналитики, то все про это они уже так или иначе знают, – указал он на карту, – по крайней мере догадываются, и ничего нового ты им не скажешь. А вот что да как...

– Понятно...

Главы Агентства государственной безопасности Борис Керман и Разведывательного управления ВКФ Ричард Ленский в который раз встретились на планерке у генерального секретаря Сената Конфедерации Тимоша Шаттолворда, что не прибавило ни тому, ни другому хорошего настроения, а, точнее говоря, вконец его испортило.

– Я до сих пор не понимаю, почему я вас не уволил! – кричал на них генеральный секретарь. – Вот уже сколько месяцев я слышу от вас обещания найти и покарать пиратов, и что?! Обещания остаются только обещаниями! Пираты творят что хотят, погружая наши миры в хаос! О нападении на Прерию я вообще молчу! Они совсем страх потеряли, если нападают уже на внутренние миры!

Главы разведок сидели ровно, не двигаясь, с каменными выражениями лиц. Сказать им действительно было нечего. Они также прекрасно понимали состояние генерального секретаря. Осталось совсем немного времени до выборов в Сенат, и Шаттолворд не проходил не то что в генеральные, но даже в обыкновенные сенаторы даже по самым оптимистичным прогнозам. Шла предвыборная гонка, и его политические противники умело играли на неспособности действующей власти разобраться с пиратским беспределом.

Сколько-нибудь исправить критическое положение могло

уничтожение пиратской угрозы или на худой конец ее минимизация. Но как раз в этом направлении никаких положительных подвижек не было и не предвиделось в ближайшем будущем.

– Вам не хуже меня, а точнее лучше известно, что у пиратов появился предводитель, некий Оникс! Так убейте его, и пираты развалятся на мелкие независимые банды, никак не связанные между собой, и их-то уже не составит труда отловить и уничтожить! Ну, что вы смотрите на меня, как сфинксы на пустыню?!

– Это так, господин генеральный секретарь, – кивнул директор АГБ, – и мы работаем над этим. Но должен заметить, сэр, что у пиратов слишком хорошо поставлена служба контрразведки. Наше агентство теряет всех своих агентов еще на начальном этапе внедрения. С вербовкой тоже проблемы. Всех завербованных добровольно или насильно также довольно быстро выявляют и нейтрализуют.

– Проклятье... Ну а вы, мистер Ленский что скажете?! Уже всем известно, что пираты обосновались на какой-то планете... как ее они назвали? Ассалт?

– Так точно...

– Ну так разбомбите их если у вас ничего не получается с устранением этого ублюдка! Я даю санкцию на самые решительные действия.

– Это не так просто, сэр...

– Почему, черт бы вас побрал?!

– После того случая – боя с пиратами у звезды Х-45... нужно кардинально пересмотреть тактику ведения боя, господин генеральный секретарь. Иначе ситуация может повториться.

Тимош Шаттолворд помрачнел лицом. Он видел кадры того боя, когда Флот лишился почти трех ударных эскадр. Пираты атаковали их брандерами в самый сложный момент выхода кораблей из звезды, когда они только-только преодолевают притяжение и еще слабы, почти слепы и беззубы.

Протараненные корабли просто падали на звезду и сгорали. Понятно, что стоит только сунуться в пиратскую систему – и этот кошмар повторится, тем более что, как стало известно, сил у пиратов для обороны своей планеты более чем достаточно. Значит, жертв от такой атаки будет очень много, а прорвавшиеся корабли уже не смогут справиться с пиратским флотом из-за высоких потерь.

– И долго вы еще будете разрабатывать эту тактику?

– Извините, сэр, но этот вопрос не в моей компетенции, а в ведении тактического центра при штабе Флота.

– Проваливайте... – махнул рукой генеральный секретарь, и главы двух могущественных разведок покинули его кабинет.

– Кажется, у нас еще одна проблема наклеывается, которую он, скорее из расстройств чувств, просто забыл нам озвучить, – сказал Борис Кемран.

– О чем ты?

– Твои аналитики не делали тебе доклад о политических настроениях на атакованных пиратами планетах?

– Им и без политики есть чем заняться, – невесело усмехнулся Ричард Ленский. – Ну, так что там с политикой на этих планетах?

– Сильная радикализация настроений. Большую поддержку получают силы, ратующие за отделение от Конфедерации и создание собственных сил самообороны, в том числе и в космосе.

– Это понятно. Но что с того, с нашей-то темой это как связано?

– Некоторые мои спецы считают, что это дело рук пиратов.

– Ну естественно...

– Ты не понял. Они финансируют этих кандидатов, разжигая недовольство. Я поручил проверить источники поступлений этих мутных людей на их предвыборные кампании и выяснил, что источники эти также очень мутные.

– Вот как? И зачем пиратам сие? – удивился Ленский.

– Вот этого мы пока не знаем.

– Совпадение... – не очень уверенно выразил мнение главы РУВКФ.

– Думаешь?

– Как только станет ясна их мотивация, можно будет говорить предметно. Пока я не вижу, какой им смысл городить этот политический огород. Это же огромные средства...

– Раздробление Конфедерации...

– И что им это даст? Особенно если учесть, что у независимых планет и впрямь появятся свои полицейские силы. Легче грабить их не станет, скорее даже наоборот.

– Да, с этим загвоздка, – согласился директор АГБ. – Но если у тебя на эту тему появится какая-то информация, ты уж не жмись...

– Поделюсь, – пообещал Ричард Ленский. – Мы все в одной лодке, и лодка эта накрена как никогда опасно.

– Вот и я про что...

– Ты еще не нашла себе нового ухажера? – в шутливой манере спросил Каин Иннокент у Лары, хотя в душе был абсолютно серьезен.

Больше всего он боялся, что она сейчас ответит «да» или, что еще хуже, этот ухажер выгянет из спальни.

С цветами и бутылкой вина он стоял на пороге ее квартиры, дальше она его не пускала.

По пути на Касабланку, по желанию Каина и разрешению камрад-президента корабль заскочил на Этон, где проживала его женщина. Если она действительно еще его. Сомнения Иннокента можно понять, ведь они разговаривали и виделись впервые с того памятного дня, когда он готовился спустить курок пистолета и убить Оникса. А прошло ни много, ни мало три месяца.

В принципе, он мог купить ей билет на Касабланку, как делал это раньше в моменты отпуска, вызывая ее на Мексиш, где отдыхали после «трудов праведных» пираты. Но в этот раз он каким-то чувством понял, что это будет неправильно. Нужно пригласить лично. Было что-то в письмах от Лары такое прохладное...

– Еще нет, – после долгой паузы ответила Лара Сеченова.

Каин, не скрывая своего облегчения, шумно выдохнул. Лара с улыбкой приоткрыла дверь пошире, и Иннокент шаг-

нул внутрь, поблагодарив:

– Спасибо...

– Не за что... – ответила она и, закрыв двери, потушила свет.

Свет и не требовался, Каин прекрасно помнил планировку квартиры и добрался до спальни, страстно обнимая и целуя Лару.

Наутро, когда Каину на лицо упал солнечный зайчик, и он проснувшись, открыл глаза, Лара спросила:

– Зачем ты приехал лично? Это же опасно.

– Есть немного, – не стал отрицать Иннокент, – но по-другому я не мог. И потом я на Этоне ненадолго, на два-три дня.

– А куда ты едешь? – машинально спросила Лара. – Или это секрет?

– Секрета нет, если поедешь со мной. Не знаю, как долго, скорее всего на несколько месяцев, но вернуться сможешь в любой момент, если тебе там не понравится или надоест.

– У меня...

– Я знаю – работа. А если в качестве... свадебного путешествия?

– Ты делаешь мне предложение? – приподнялась она на локте, посмотрев в глаза Каину.

– Да... – выдохнул он, почувствовав, как во рту мгновенно пересохло. – Еще вчера вечером хотел сделать, да так все

закрутилось-завертелось...

Лара улыбнулась, вспомнив вчерашнее бурное начало, затянувшееся почти на всю ночь.

– Кольцо у меня в кармане куртки.

Каин потянулся и, подхватив куртку за рукав, благо валялась недалеко, подтянул ее к себе и достал коробочку, обитую темно-синим бархатом. Протянув Ларе, он открыл ее, и в лучах солнца блеснуло кольцо с инкрустацией в виде галактической спирали и ярким бриллиантом в центре.

– Ты принимаешь его?

Лара промолчала.

– Понимаю... связываться с разбойником не очень-то надежно, – кивнул Иннокент. – Все время в бегах, неустроенность...

– Я слышала, вы республику свою создали. Это правда? – прервала Лара своим вопросом уничтожительный монолог Каина.

– Да... Ассалт.

– Ты туда?

– Нет, я как раз оттуда...

– По пути ко мне заскочил...

– Скорее сделал крюк.

– А потом туда?

– Да. Больше нам деваться некуда.

– Оно и понятно, завертели такую кашу. И ради чего?

Иннокент пожал плечами. Ничего рассказать он не мог,

потому приходилось уходить от прямых ответов отговорками.

– Я всего лишь пилот...

– Я поеду с тобой.

– Правда?! – удивился Иннокент.

– Правда.

– А...

– А с кольцом пока подождем, – твердо сказала Лара.

– Хорошо, – согласился Каин.

«Главное что не сказала “нет”», – с облегчением подумал Иннокент. Терять ее он не хотел. Где еще такую же найдешь?

– Пойдем завтракать.

– Скорее уж обедать, – выглянув в окно и посмотрев на высоко вставшее солнце, весело сказал Каин.

– Значит, пообедаем, все равно обед от завтрака никак не отличается. Когда нам, кстати, улетать?

– Желательно уже завтра утром. Задерживаться дольше не стоит.

– Тогда еще успеем собраться, – соскочила Лара с кровати и стала одеваться. – Если приставать не будешь.

– Не буду, не буду... если и ты таких соблазнительных поз делать не станешь.

– Не стану, не стану!

Одевшись, Лара упорхнула на кухню, где стала разогревать еду.

– А как вы там живете? – уже за обедом спросила Лара.

– В смысле на Ассалте?

– Ну да... просто интересно, на что это похоже. Поди, какой-нибудь лагерь?..

– Ну почему... – в шутку обиделся Каин. – Город строим.

– Город?!

– Ага. У меня даже дом свой есть. Не обставлен пока никак. Голые стены... Только кровать, стол со стульями и... сервиз.

– А широкая кровать?! – улыбнувшись и стрельнув глазами, с наигранной ревностью и грозным видом спросила Лара.

– Узкая! Такая, что упасть можно, пока перевернешься с одного бока на другой! Да и плохо у нас с женской частью населения.

– Да, я слышала, что вы похищаете...

– Только жриц любви, – быстро сказал Каин, вспомнив, как сам отбил у десантников не отвечающую требованиям пленницу. – Их потом всех вернут, заплатив в том числе за неудобства. Все чин-чинарём.

Лара кивнула, а Каин подумал, действительно ли они гребут только проституток? Наверняка случаются «досадные ошибки». И поговорка: лес рубят – щепки летят, его не успокоила, несмотря на цель подобной «рубки леса».

Вновь сомнения в правильности происходящего заполнили его разум.

– Ты чего вдруг так потемнел лицом? – забеспокоилась

Лара. – Тебе нехорошо?..

– Ничего... все нормально, – натянуто улыбнулся Иннокент.

– Каин, ты видел пиратского главаря?

– Да...

– И?

– Что «и»?

– Помнится ты хотел заслужить амнистию... Это был бы лучший способ получить прощение от Закона. Тебе не кажется?

– Да, это был бы лучший способ, и я чуть было им не воспользовался.

– Что произошло?

– Я действительно чуть не вышиб ему мозги, он был у меня на мушке, но...

– Но?

– Я не смог.

– Почему?

– Вскрылась некоторая важная информация, отмахнуться от которой я просто так не мог, – неуверенно ответил Каин. – Слишком много оказалось поставлено на карту, и поставить точку своей пулей я не смог.

– Какая информация?

– Увы, Лар, об этом я рассказать тебе не могу. Меня иногда проверяют на предмет ее распространения посторонним лицам. Сама должна понимать, чем мне это грозит.

– Понимаю...

День прошел в хлопотах. Лара собирала необходимые в поездке вещи, набрав аж два больших чемодана, утрясла вопросы с работой. А вечером... они неожиданно даже для самих себя решили прогуляться в парке.

– Скажи мне, Лар... – тихо произнес Каин, пристально взглянув на мигающие звезды. – Как ты относишься к возможности существования... другой разумной жизни во вселенной?

– Чего? – искренне изумилась Лара и даже остановилась.

– Я всего лишь спросил... – смутился Каин, и, наверное, покраснел, но в темноте было не разобрать, однако щеки в прохладе начинающей ночи, казалось, стали более горячими.

– Почему это тебя так заинтересовало?

– Просто я хочу узнать твое мнение, лично твое, – сказал Иннокент, решив, что раз уж начал разговор, то надо довести его до конца. – Пойдем... На ходу легче думается и разговаривается.

– Я даже не знаю, что сказать... – призналась она, снова зашагав рядом с Каином.

– Ну, как ты думаешь, может существовать другая разновидность жизни помимо человека, обладающего разумом?

– Ты видел там летающую тарелку? – указала в небо Лара.

– Не смейся... Я говорю не об этих пошлостях из желтой прессы.

– А о чем?

– В принципе, может она существовать или нет? Чисто гипотетически...

Лара Сеченова промолчала, до сих пор не решив, как отнестись к разговору на подобную тему, даже несмотря на то, что она психолог.

Проходя практику как психолог, еще во время учебы, она немало повидала «шизиков», утверждавших, что они видели летающую тарелку, разговаривали с пришельцами, а некоторых и вовсе похищали. Одним показывали другие миры, города, над другими якобы ставили опыты. Все они при ближайшем рассмотрении так или иначе обладали психическими отклонениями, а значит, их слова не более, чем бред.

Другое дело Каин Иннокент. В пилоты психов не берут – факт. Потом их ежегодно обследовали полковые психологи... Конечно, он мог повернуться разумом уже позже, перейдя к пиратам, от понимания того, что он творит несправедное дело, и морально не выдержав груза творимой им самим смерти. Он сам говорил, что у него за спиной уже есть личное кладбище, где обитает не менее шести покойников... а сейчас наверняка и того больше. Но то-то и оно, что она не наблюдала у него никаких признаков психических изменений.

«Может, этот разговор об инопланетянах и следует счи-

тать таким первым признаком?» – подумала она.

А Иннокент, словно не замечая ее неуверенности, продолжил развивать свою мысль:

– Ведь мы же существуем! Мы разумны! Пусть не абсолютно, раз у нас существует различное зло вроде насилия, смертоубийства и тому подобное... недостойных высшего разума, но это все мелочи. Главное – мы имеем разум, осознаем себя, значит, его может иметь кто-то еще. Ведь так?

– Пока что мы не нашли ничего даже близкого к разумному, хотя открыты сотни планет с обычной жизнью... – сказала Лара, понимая, что нужно сказать хоть что-то, чтобы не потерять контакт.

– Но ведь это не значит, что братьев по разуму не существует...

– Не значит.

– Ведь простая жизнь – есть. Вот на Этоне... растут местные деревья, кусты, трава и прочая растительность. В ней обитают свои насекомые и местные животные.

– Да...

– А раз так, то не может же быть, что человек единственный разумный вид... Кто сказал, что человек – нелепая случайность, исключение, шутка Великого Пересмешника... Ведь только в нашей галактике до черта и больше звезд, похожих на Солнце, согревшую Землю – нашу колыбель. Таких систем тысячи... десятки тысяч, а то и вовсе сотни. И потом, кто сказал, что разумные существа должны появиться-

ся именно на землеподобной планете с кислородно-азотной атмосферой, согретой именно солнцеподобной звездой?

– Действительно...

– Вот и я про что! – продолжал распалиться Каин. – Звезда может быть любая, планета – тоже и тем более атмосфера, начиная от метановой и заканчивая сернистой...

– Ну, на подобных уже обнаруженных планетах еще ничего не нашли.

– Хорошо, предположим, что рождение жизни возможно только в тех условиях, озвученных мною ранее – непреложный Закон Природы. Но, как я уже сказал, таких звездных систем только в нашем Млечном Пути сотни тысяч. Значит, разум чисто теоретически мог появиться на сотнях из них, а то и тысячах.

– Наверное...

– Слышала про теорию одного процента?

– Это как?

– Ну, я сам не помню все пункты, – признался Каин. – Зацепил как-то краем уха... Но основная мысль такая: возьмем общее количество звезд в галактике за сто процентов. Предположим, что только один процент из них – солнцеподобные. И только у одного процента из них есть планеты, и лишь один процент из них землеподобен, а на одном проценте землеподобных планет есть простейшая жизнь и так далее...

– Интересная теория...

– Я тоже так думаю. По ней выходит, что в галактике может существовать от нескольких сотен до нескольких тысяч рас. Конечно... я вполне допускаю, что вряд ли все смогли пройти путь развития и не сгинуть в том числе и техногенных катастрофах... но мы же не сгнули, значит, еще кто-то точно так же мог вырваться за пределы тяготения своей планеты... Ведь мог же?

– Мог... – не стала спорить Лара, видя, как эмоционально разгорается Иннокент.

Открыто спорить тут бесполезно: дескать, нет, потому что не может быть. Нужны веские, аргументированные доводы.

– Но я слышала одну теорию, которая в целом не противоречит «одному проценту», – все же рискнула остудить пыл Каина Лара Сеченова.

– Какая?

– Что если бы кто-то разумный появился, то вряд ли бы это произошло одновременно, как... как грибы после дождя. Согласись, что это было бы слишком большим совпадением.

– Ну?..

– Согласен? – настояла Лара.

– Согласен. И что из этого следует?

– То, что появление разума редкое явление в развитии природы, действительно многофакторная случайность. И даже если она все же произошла, то очень давно. Задолго до появления человека, и согласно этой теории эти существа уже давно бы заселили всю нашу галактику, и более того...

успели бы сгинуть.

– Остались бы какие-нибудь следы...

– Если бы они действительно существовали. Но даже в этом случае, хочешь верь, хочешь не верь, но материальные свидетельства не живут дольше пятнадцати-двадцати тысяч лет. Все обращается за это время в прах. Видишь, вот там раскинулось холмистое поле, поросшее лесом?

– Ну?

– А может, это не просто поле холмов, а бывший город, разрушившийся под действием природных стихий: ветров, дождей, землетрясений. Все окислилось, занесло землей, на которой вырос лес... Вот и все следы.

– Ты смеешься надо мной?...

– Я не смеюсь. Я подхожу к этому вопросу чисто теоретически. Природа берет свое. Опять же холмы пустые, в смысле из полезных ископаемых там ничего нет...

– Я не об этом, – хмуро сказал Каин. – Я говорю о возможности существования цивилизации параллельно с нами. Пусть они возникли раньше, но, может, они... «тугодумы» в эволюционном развитии и вышли на равный уровень технологического развития одновременно с нами? Такое же тоже может быть.

– Может, – кивнула Лара. – Вселенная полна неожиданностей. Вплоть до одновременного возникновения в масштабах галактического времени, конечно, нескольких существ, обладающих разумом, и даже их развития до космического

уровня. Но что ты хочешь этим сказать?

– Не знаю... Я просто хотел услышать твое мнение.

– Ты хотел бы с ними встретиться?

– Вряд ли...

Лара почувствовала, как эмоциональный запал Иннокента на этом вопросе стал быстро падать. И все это очень странно.

– А почему нет?

– В фантастике все происходит просто в смысле общения... Встречаются два вида и – хоп-хлоп – начинают друг с другом оживленно переговариваться. Но в реальности две различные цивилизации, развивавшиеся по своим различным законам, вряд ли найдут общий язык, хотя бы просто в физиологическом плане. Наверняка скажется разница в устройстве речевого аппарата, а также слухового, мы просто не воспроизведем речь друг друга. Я уже молчу про письменность... Но даже если общение удастся установить хотя бы на уровне «я тебя понимаю», будем ли мы разговаривать вербально или жестами, дополняя их рисунками, рано или поздно возникнет соперничество, а это чревато.

– Почему соперничество между двумя разумными расами обязано возникнуть?

– Да просто из инстинкта самосохранения. Чужой, значит враг.

«Ох, неспроста этот разговор, – поняла Лара Сеченова. – Он не “потек крышей”, его это действительно беспокоит.

Но почему? Что заставило его начать беспокоиться?! Уж и вправду, не встретил ли он этих “зеленых человечков”?..»

Но спрашивать обо всем этом она, естественно, не стала, решив выяснить позже, как бы между прочим. Женщины это умеют, а женщины-психологи тем более.

– Прости, Лар... что-то меня куда-то сегодня понесло, – полностью опомнился Каин, представив, как глупо весь этот разговор выглядел со стороны. – Мне лишь остается надеяться, что ты не решила, будто я слетел с катушек?

– Не решила...

– А не сказала ли ты сейчас мысленно себе: «Я знаю это точно – ты псих»?! – со сдавленным, неуверенным смехом уточнил Иннокент.

– Нет, не сказала! – засмеялась она в ответ.

Но, чувствуя, что он хочет услышать более развернутый ответ, сказала:

– Просто ты много времени проводишь в космосе... среди звезд. Рано или поздно всех настигает вопрос: а одиноки ли мы во вселенной? Не стал исключением и ты. Просто ты это долго держал в себе, поговорить явно было не с кем. И вот со мной тебя прорвало.

Каин кивнул, удовлетворенный ответом. Но в душе он негодовал на самого себя. Да, она близка ему как никакой другой человек. Да, он хотел с кем-то поделиться наболевшим, но подобной откровенности, которая к тому же могла отпугнуть Лару, он от себя не ожидал.

«Нужно впредь быть внимательным и думать, о чем говоришь, – напутствовал себя Каин. – И отговорка, что согласно последним исследованиям мужчина начинает чувствовать себя рядом с женщиной глупее и раскованней, что начинает нести всякую чепуху, не катит».

На Касабланке их встречали, и довольно пышно, чего приехавшие никак не ожидали. Навстречу Каину с Ларой из машины представительского класса вышел небольшого роста человек, в котором Каин узнал главного политтехнолога Кэрри Элвиса. Именно ему в помощь он и приехал.

– Здравствуйте, мистер Иннокент, – улыбнулся политтехнолог как-то странно и протянув сразу обе руки для рукопожатия, – я...

– Главный политтехнолог Кэрри Элвис, – поздоровался Каин. – Я знаю. А это моя подруга Лара Сеченова.

– Здравствуйте, мисс.

– Добрый день.

– Едемте, гостиница уже готова.

Каин и Лара недоуменно переглянулись. Слишком уж сутливые движения у этого главного политтехнолога. Не к лицу.

Гостиница их тоже удивила. Не то чтобы пятизвездочная, но и не дешевая, можно даже сказать выше среднего, звезды четыре. Они рассчитывали на менее дорогие апартаменты. Но и протестовать не собирайтесь.

– Располагайтесь, – остался в дверях Кэрри Элвис.

– Благодарим.

– Встретиться с мистером Блэлоком сегодня вечером вас

не затруднит?

– Приемлемо, – пробормотал Иннокент, чувствуя себя не в своей тарелке.

– Мы будем ждать. До свидания.

– До вечера...

Каин закрыл за политтехнологом дверь и встряхнул головой.

– Ничего не понимаю...

– Ты что, большая шишка? – засмеялась Лара. – Я и не знала!

– В том-то и дело, что ничего подобного... Я должен был поступить в распоряжение этого клоуна и исполнять все его поручения.

– А у меня сложилось впечатление, что они решили иначе. Что ты вроде ревизора или большого начальника, чьи приказы следует выполнять им.

– Хм-м... это не есть хорошо.

Лара снова засмеялась.

– Наплюй! Потом им объяснишь, что да как!

Наплевать Иннокент не мог. Раз его приняли за что-то большее, чем он являлся – обычного подчиненного – значит, тому есть причины. Какие?

«Стало быть, меня приняли за ревизора или его аналога? – подумал он. – Значит, у них что-то не так. Что именно? Чего они так хвосты прижали? Так стоит ли тогда раскрывать свой истинный статус?»

– Ладно, это мы решим при встрече.

– О, Каин! Посмотри, какое море!

Иннокент подошел к Ларе, разглядывающей в окно раскинувшийся перед ней пейзаж.

– Пойдем на пляж!

– Давай хоть вещи разберем...

Вечером при встрече с кандидатом в президенты Касабланки Джудом Блэлоком и его политическим помощником Каин Иннокент держался подчеркнуто независимо, решив усилить впечатление, которое произвело его прибытие, и ему это удалось.

– А теперь я хотел бы узнать, как сложилась реальная расстановка сил на политической арене, – сказал Каин после короткого неформального общения, сделав ударение на слове «реальная».

После такого заявления взгляды Джуда Блэлока и Кэрри Элвиса тут же погасли.

– Конечно, – кивнул главный политтехнолог после обмена взглядами с кандидатом в президенты, видимо, на каком-то ментальном уровне дав добро, и начал рассказывать.

То, что на Касабланке все так плохо в политическом плане, катастрофически плохо, Каин Иннокент никак не ожидал. Да, случались провалы и раньше, но по большей части на начальном пути политической работы, когда Оникс и его политтехнологи набирались теоретического и практического

опыта в избирательном процессе. Но, если учитывать, какое значение отводил Виктор Баренцев Касабланке – ситуация граничила с катастрофическим провалом.

Первые признаки того, что все не очень хорошо, можно было заметить еще во время путешествия от космодрома в город. Если в других мирах плакаты кандидатов от пиратов выглядели на фоне всех прочих богато как по размерам, так и по исполнению, в том числе и количеству, то здесь наблюдалась если не обратная ситуация, то равная.

Может, еще и поэтому Каина с самого начала приняли за своеобразного ревизора, личного представителя команданте, и постарались создать для него самые лучшие бытовые условия, поселив не в самую дешевую гостиницу, вплоть до того, что его принял лично кандидат в президенты.

Иннокент же не стал их переубеждать. В конце концов, он действительно самый доверенный человек Оникса, ведь всего даже его брат и сын не знают.

– ...В итоге на сегодняшний день после почти полугодовой кампании нам, согласно опросам, удалось набрать... семь процентов.

– Семь процентов?! – ужаснулся Каин Иннокент. – Поддержка населения составляет всего семь процентов?! Оникс лучшего мнения об обстановке на Касабланке...

Кэрри Элвис потупил взгляд и вытер ладони о брюки. Каину стало ясно, что эти ребятки, непонятно на что надеясь, посылали наверх искаженные данные об избирательном про-

цессе.

«Трудно представить, что с ними всеми сделает Оникс, когда все это дерьмо всплывет, – с каким-то злорадством подумал Иннокент, глядя на политтехнолога. – Похоже, они это тоже прекрасно понимают, потому и стелются...»

– Короче, рассказывайте все с самого начала. Я хочу знать, почему результаты столь низки и можно ли что-то с этим поделать.

– Как скажете, – закивал Кэрри Элвис. – Мы начали работу здесь ровно год назад...

«Сразу после того, как на орбите развернули ремонтную базу», – понял Каин.

– ...Создали отдельную партию, составили вполне стандартную программу и начали работать.

– И тем самым допустили первую ошибку.

– Какую?

– Программу сделали стандартную, а не под местные условия... – сказал Каин, сразу же осознав, что сказал он эту очевидную вещь лишь для того, чтобы поднять свой авторитет.

– Да, наверное... – согласился Кэрри Элвис.

– Продолжайте.

– Но работа не пошла... хорошо зарекомендовавшая себя технология на всех прочих мирах, где мы выигрывали, здесь не сработала.

– Причины?

– Касабланка довольно густонаселенна и хорошо развита,

а значит, почти не нуждается, как молодые миры, в интенсивном финансировании. Они почти самодостаточны. Кроме того, самый главный аргумент других миров тут пустой звук...

– Это вы про пиратскую угрозу? – понятиливо кивнул Иннокент.

– Да. Тут базируются несколько боевых кораблей, и бояться пиратской атаки местным жителям не приходится.

– Это все?

– Да...

– Плохо. Вы как-то пытались изменить ситуацию? Произвести давление?

– Конечно, более того, мы продолжаем над этим работать, но пока результаты наши скромны.

– То есть совсем никаких, – нажал Иннокент хмурым голосом.

– Здесь нет нашей вины, – все же немного раздраженно ответил главный политтехнолог. – В отличие от нас годовалых, местные политические структуры работают с самого основания колонии, а это ни много ни мало двести с лишним лет. У них устоявшийся электорат, переходящий из поколения в поколение... Они заняли все политические ниши, от самых левых, до самых правых позиций.

Мы стали всего лишь еще одной партией, оттянув понемногу голосов у тех, этих и прочих... вот и все. Что-то кардинально тут изменить нельзя. Даже коррупция, за счет ко-

торой в одном из миров мы раскрутили ситуацию, так что выиграла с перевесом в тридцать процентов от ближайшего конкурента, здесь ничтожная. Невозможно, как в нашем случае, не имея даже минимального представительства в парламенте пройти сразу в дамки!

– Неужели никаких резервов?!

– То-то и оно, что глухо.

– Так не бывает.

– Значит бывает, – уже откровенно надменно сказал главный политтехнолог.

– В любой системе должен быть изъян, ударив в который можно ее расшатать и обрушить, – настаивал Каин. – Его нужно только найти.

– Может, и есть, но мы при всем желании и упорной работе его не нашли.

– На скольких мирах вы уже успели поработать, мистер Элвис?

– На пяти.

– И как там прошли дела?

– Не сомневайтесь в моих профессиональных качествах, мистер Иннокент! – выпятив грудь, воскликнул главный политтехнолог. – Да будет вам известно, что у меня лучший результат из всех возможных! Я не проиграл ни единого раза, и на всех планетах в президенты вышли кандидаты, на которых я работал!

«А хорошо ли это? – вдруг подумал Каин, попытавшись

примерить политику к своей профессии боевого пилота. – На сплошных победах без поражений, как правило, формируется смертельно опасная самоуверенность и косность мышления... стоит пересесть на новый самолет, и старые маневры уже не действуют так же безупречно. Может, и здесь что-то похожее?»

– Но здесь, похоже...

– Да... Но и на старуху бывает проруха! Всего одна неудача...

– На зато какая, – с нажимом сказал Каин Иннокент. – Такая, что десятка побед стоит. Оникс мне сказал предельно ясно: Касабланка должна стать нашей любой ценой. Кровь из носу...

Главный политтехнолог сжал губы так, что они побелели, а глаза засверкали ненавистью.

– Ладно... Когда должны состояться выборы?

– Через два с половиной месяца состоится первый тур, – сразу сникнув, ответил Кэрри Элвис, хорошо понимая, что чудес на свете не бывает, за столь короткий срок ничего кардинально изменить нельзя и второго тура им не видать как собственных ушей.

И еще немаловажный вопрос: останутся ли у него уши в реальности после поражения? И это, пожалуй, наименьшая потеря из возможных.

– Цейтнот... Будьте добры распорядиться, чтобы мне выдали все материалы. Наши действия, действия конкурентов,

информацию о Касабланке... но не туристические маршруты, а политико-экономическую... ну вы меня понимаете.

– Да, – кивнул мистер Элвис. – Все будет предоставлено.

– Хорошо, жду, – поднялся Каин со стула, подумав, что теперь ему придется переквалифицироваться из пилота в политтехнолога.

Трудно, страшно, но никуда не деться. В конце концов, он обещал сделать все возможное и... невозможное.

Еще никогда Каин Иннокент не читал так много, причем абсолютно не понимая, что именно он читает. Слова вроде бы знакомые, а стоит постичь их смысл, как голова просто идет кругом. Об экономике, как и политике, он не имел никакого представления. Даже понятое сравнить не с чем. Большие эти показатели ВВП на душу населения или маленькие, хорошо это или плохо...

По идее он вообще ничего из этого делать не должен. Более того, его сюда прислали только чтобы выполнять поручения местных начальников, того же Кэрри Элвиса! Он сам взвалил на себя эту ношу и опять-таки не связался с Виктором Баренцевым и не доложил о тяжелой обстановке, сложившейся на Касабланке.

В том, чтобы настучать на местных дельцов, он не видел смысла. Времени осталось слишком мало, чтобы начинать внутренние разборки, а Оникс их вполне мог устроить. Перестреляет еще к чертям всех местных или пришлет новых на усиление, которые вообще ничего о местных условиях не знают, но чтобы показать свою значимость и гоно́р отстранят от дел старых, а это уже гарантированный провал. Так что на переправе лошадей лучше не менять и выезжать из ямы нужно на тех клячах, которые есть.

– Дорогая...

– Что?

– Там в прикроватной тумбочке у меня пистолет лежит.

Нашла?

– Нашла...

– Принеси его, пожалуйста.

– Зачем?

– Застрелюсь.

Лара заглянула из спальни в кабинет, но без пистолета.

– Что ты делаешь?

– Да вот, пытаюсь вникнуть в местную расстановку политических и экономических сил.

– Зачем?

– Ну...

– Я же понимаю, что ты сюда не отдыхать приехал. Тебя сюда прислали... Может, расскажешь? А я помогу чем смогу...

Иннокент сомневался недолго, хотя посторонних в эти дела лучше не посвящать. А потом решил: была не была, в конце концов, что он теряет? Если не придумать в ближайшее время какой-то ход, который позволит им резко вырваться вперед, все и так рухнет. И рассказал, для чего он тут, как мог, обходя острые моменты.

– Вот это да! Вы решили захватить тут власть?! – удивилась Лара.

– Правильнее было бы сказать – легализоваться... но я не уверен.

– А ты лично вроде как затесался в кризисного управляющего с правом решающего голоса?

– Что-то вроде того, – хмыкнул Каин. – Не вижу смысла идти в подчинение людям, которые не знают, что делать.

– Понятно. Ну что ж, давай посмотрим...

– Давай, но прежде приоденься, – кивнул Каин на фри-вольное одеяние Лары. – А то я совсем расклеюсь и думать буду совсем о другом.

На Касабланке в самом разгаре лето, недалеко пляж, они успели его вчера опробовать, и Лара как раз снова собиралась туда пойти позагорать, так что на ней красовался весьма легкий купальник.

– Один момент.

Лара с улыбкой скрылась в спальне и скоро появилась запахнутой в белый махровый гостиничный халат.

– Так лучше?

– Намного...

– Тогда давай смотреть, что тут творится и где прячется этот самый изъян.

Прокопавшись с данными час, а то и все два, Лара решительно отстранила распечатки и сказала:

– Все, пошли на пляж.

– Но...

– Никаких «но». Если мы еще хоть минуту просидим за столом, у нас вскипят мозги. В конце концов, эту информацию нужно переварить. Иначе действительно недолго до са-

моубийства.

– Но...

– Поверь, так будет лучше. А переваривать информацию следует на отдыхе. Звучит невероятно, но она лучше усвоится и систематизируется, если мы на время отвлечемся и позволим мозгам поработать в автономном режиме или, как говорите вы, летчики – на автопилоте.

– Думаешь?

– Уверена.

– Тогда пошли.

Иннокент вдруг представил, как это выглядит со стороны, особенно если за ним следят, в чем он был почти уверен. Все, понимаешь, работают в поте лица, пытаются найти выход из тупика, а он с девахой пошел развлекаться на пляж.

Покупавшись и позагорав на песочке, Лара вдруг заговорила о мучившем Каина вопросе:

– Как я поняла, главная ваша беда – отсутствие врага.

– Что? А, да, верно...

– В большинстве случаев это пираты... и одновременно Конфедерация, не способная их защитить от пиратских налетов.

– Точно.

– Значит нужно найти врага.

– Думаешь, его тут не искали?

– Не думаю, что делали это так уж тщательно, имея за плечами столько побед.

– Да, решили, что самые умные... А у тебя есть какие-то наметки?

– Пожалуй, что есть.

– И? – оживился Каин.

– Как я поняла из прочитанного, на Касабланке всем заправляет несколько семей, причем действительно имеющих родственные связи, примерно шесть-семь. Они контролируют сельское хозяйство, перерабатывающую легкую и тяжелую промышленность. Они же контролируют все политические партии и финансируют их, заседаая или решая, кому следует заседать в местном парламенте.

– Ого! – поразился Каин аналитическим возможностям своей женщины.

– Ну вот, чем не враг простому народу?

– Ты имеешь в виду, что... я уже вижу лозунг: Власть – народу!

– Именно. Власть народа и для народа.

– Зашибись. Теперь осталось только хорошенько все обмозговать и толкнуть эту идею в народ.

– Толкнуть идею в народ мало, нужно этот народ еще как-то активизировать, подправлять...

– Да. Только скажи... зачем ты решила мне помочь? Ведь я вроде как представляю преступную организацию.

– По большому счету мне это неважно... раз это нужно тебе, значит это нужно мне. Вдруг ты станешь видным политическим деятелем?

– Ясно, – засмеялся Каин.

«Но если бы ты знала, для чего все это нужно, вряд ли ты стала бы думать также», – подумал он.

Каин Иннокент зашел в бар, где отдыхала рабочая молодежь и не только. Подойдя к бармену, он заказал слабоалкогольный напиток и посмотрел на часы, показывающие двадцать пять минут седьмого. Оставалось еще пять минут. Когда эти минуты истекли, Каин попросил бармена переключить телевизор, висевший под потолком, на нужный ему канал и включить погромче, для чего заплатил пятьдесят реалов.

– Здравствуйте, жители Касабланки, – зазвучали динамики голосом кандидата в президенты, – если вы еще не знаете, то я независимый кандидат в президенты Касабланки Джуд Блэлок.

В зале заворчали, прикрикивая на бармена, чтобы тот убрал к чертям эту политическую рекламу и переключился на любой другой канал, где нет «этих уродов».

Иннокент дал виновато взглянувшему на него бармену еще полтинник и тот оставил пульт от телевизора в покое.

– Приходите на выборы и проголосуйте! – продолжал вещать с экрана Джуд Блэлок. – Исполните свой гражданский долг! Иначе проиграете! Проиграете, как проигрывали все это время, махая на политику рукой. Я знаю, о чем вы думаете, глядя на данную рекламу... Дескать, еще один урод решил пробиться к власти и погреть руки. Но это не так. По-

вторую вам, что я независимый кандидат и не принадлежу ни к какой партии, то есть ни к одной финансовой и политической верхушке, что финансируют эти партии, заставляя их принимать законы выгодные для себя. Я из народа и для народа, такой же, как вы. Мне надоело, что нами управляют олигархи, жирующие за наш счет. Да-да, именно за наш с вами счет!

Каин посмотрел в зал. Многие смотрели на экран с явным интересом. Такой обвинительной речи на их памяти еще никто себе не позволял.

– Посмотрите, кто нами управляет! Семь-десять семей, держащих в своих руках всю промышленность и производство планеты! То есть один процент населения держит в руках восемьдесят процентов всего ВВП планеты! Люди, только вдумайтесь в эти цифры! Один процент распоряжается восьмьюдесятью процентами богатства Касабланки! Они создали под себя политические партии, имитируя политическую борьбу. Да, я утверждаю, что на самом деле все это просто хорошо срежиссированный политический театр! Нас водят за нос! И эти президентские выборы тоже стали бы игрой, если бы не вмешался я. Да, именно я! Потому что я независимый кандидат и не от кого не завишу!

Спросите меня, откуда же тогда деньги на эту кампанию?! Ответу: это пожертвования, ваши пожертвования! Тех, кого притесняют и не дают развиваться захватившие финансовую и политическую власть семьи!

Только попробуйте организовать какое-то свое предприятие, и вы сразу поймете, что это безнадежно. Да, мелкие торговые точки открыть легко, но попробуйте расшириться – и вас задавят монополисты. А уж о том, чтобы организовать хоть какое-то перерабатывающее производство, и думать забудьте! Вас задавят еще быстрее! Не мне перечислять эти вполне законные способы, принятые нашим дорогим парламентом!

Но и эти средства не бесконечны, потому мне нужна ваша помощь! Чтобы, возможно, впервые в истории Касабланки на пост президента планеты встал человек из народа и для народа! Я понимаю, что денег у вас нет, ведь вас заставляют горбатиться за скудное жалование, а цены высоки, потому будет достаточно, если вы просто выйдете на улицу и пройдете маршем, выразив таким образом мне свою поддержку. Это немного, согласны?

Власть – народу! Мы победим, потому что народ проиграть не может!

Ролик закончился, и в зале тут же поднялся гул, будто разворошили улей с гигантскими пчелами. Люди оживленно обсуждали услышанное по телевизору. До слуха Иннокента долетали лишь отдельные высказывания или их отрывки, характеризующие лишь общий смысл и настроение посетителей:

– Да лажа это все... – махал рукой толстый мужик в мятой

куртке.

– А по-моему дело говорит...

– Правильно он сказал... я тоже хотел открыть свое дело, так ко мне по десять раз на дню проверяющие приезжали...

Каин попытался отыскать взглядом этого человека, неудавшегося предпринимателя, но, увы, бар был слишком полон, чтобы определить на звук.

Время для ролика было тщательно выбрано. Как раз люди после работы зашли отдохнуть, немного выпили, вполне достаточно, чтобы расслабиться, и хочется поговорить по душам, а тут и темку животрепещущую подбросили, а значит, довольно «громкие» слова кандидата в президенты от народа всяко разное западут в душу этого народа.

То же самое сейчас происходило почти во всех подобных этому барах Бринтана – столицы Касабланки, где «подмазанные» активистами бармены дали прослушать своим всегдашним этот политический ролик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.